

Подъ редакціей Л. Г. Мунштейна (Lolo).

РАМПА

и ЖИЗНЬ

№ 5

1910

М. Н. Ермолова въ 70-хъ годахъ.

(Къ 40-лѣтію сценической дѣятельности.)

МОСКВА

Воскресенье 31-го января 1910 г.

Цѣна отд. № 15 коп.

ОПЕРА С. И. ЗИМИНА ОПЕРА

Въ субботу 30-го января съ участ. В. Люце „ГАМЛЕТЪ“. Воскресенье 31-го января утромъ „ДЕМОНЪ“, вечеромъ „МАЙСКАЯ НОЧЬ“. Понедѣльникъ 1-го фев. спектакли нѣтъ. Вторникъ 2-го февраля утромъ „ЦАРЬ - ПЛОТНИКЪ“, вечер.

„ЗОЛОТОЙ ПЪТУШЕКЪ“. Среду
3-го февраля съ участіемъ В. Люце „МА-
НОНЪ“. Четвергъ 4-го февр. съ участ.
г. Секаръ-Рожанскаго „ГУГЕНОТЫ“.
Пятн. 5-го февраля „ТАНГЕЙЗЕРЪ“.

Начало спектакля въ 8 час. вечера.

Билеты продаются съ 10 час. утра до окончанія спектакля.

Дирекція С. І. Зиміна.

ТЕАТРЪ „ЭРМИТАЖЪ“

Въ воскресенье 31-го января
бенефисъ капельмейстера Э. А. ЭНГЕЛЯ
„ГРАФЪ ЛЮКСЕМБУРГЪ“.

ДИРЕКЦІЯ
М. М. Брянской и Я. В. Щукина
ОПЕРЕТТА
ПОДЪ УПРАВ. А. А. Брянского

Въ среду 3-го февраля
енефисъ Н. К. ДМИТРИЕВЪ
„ГРАФЪ ЛЮКСЕМБУРГЪ“.

КАЗИН

Тел. 221-73

ЕЖЕДНЕВНО КОНЦЕРТЫ ВАРЬЕТЭ.

Г-жа Съверская и Бобъ Гопкинсъ. 5 ГРЕБНИЕВЪ 5. Стася Обербэкъ. Лабланка, Анжела Леско, Терка Земмель, гг. Славины, г. Алешинь, исп. цыг. ром. Шеронина, Баккара, Беране и мн. др. Amerikan Bag. Cabaretconcert. Весел. корсиканцы. Начало въ 10 ч. вечера. Безпрерывн. увесел. всю ночь. Ужинъ изъ 3-хъ блюдъ 1 р. 50 к.

Гл. кап. М. Штольцъ. Режис. М. Зиберовъ. Гл. режис. П. Волгинъ.

АВТО-МУЗЫКА

Музыкально-механические аппараты, ПИАНИНО и РОЯЛИ. ■ НОТЫ для всѣхъ механическихъ аппаратовъ: ФОНОЛЫ, ПИАНОЛЫ и друг. ■ ГОТОВЫЯ и на ЗАКАЗЪ. ■ АППАРАТЫ для домашняго приготовленія нотъ.
Принимаются піанино для устройства въ нихъ механическихъ аппаратовъ
Главное представительство новыхъ механическихъ піанино "VIRTUOS".

ДЛЯ ТЕАТРОВЪ—КАБАРЭ:

- 1) Страница романа. Шутка въ 1 картина. Естэррейхера.
- 2) Клубъ самоубийцъ. (Гузы пинкъ). Драма въ двухъ картахъ. А. Дюополи. Обѣ пьесы въ изданіи журнала „РАМПА и ЖИЗНЬ“ дозволены къ представлению безусловно. Можно получать въ конторѣ журнала.

Ермоловой. Н. Эфроса.—О сценическомъ спиритизме. В. Тихоновича.—Ширкуляръ о жестахъ. І. М—ча.—Анфиса. М. Юрьева.—Москва.—Письма въ редакцию.—Мелочи театральной жизни.—Петербургъ.—За рубежомъ.—Парижскія письма. В. Бинштока.—Письма изъ Вильны. Л. Левидова.—Одесскія письма. А. А.—ова.—Провинція.

РИСУНКИ и СНИМКИ: Афиша первого спектакля съ уч. М. Н. Ермоловой.—М. Н. Ермолова въ роли царицы Мары.—М. Н. Ермолова (1870—1895 г.).—М. Н. Ермолова въ роляхъ Жанны Д'Аркъ и Марии Стюартъ.—«Анфиса» въ театрѣ Незлобина (5 рисунковъ).—Петербургъ Новый театръ. Анфиса—г-жа Голубева.—Н. О. Васильевъ въ роли Хлестакова (къ 25-лѣтн. юбилею).—Л. Г. Сирота. Рисунокъ Д. Мельникова.—Ф. Эккертъ. Шаржъ Д. Мельникова.—Г. Чубинскій въ пьесѣ «Путаница» Ю. Бѣляева.—Е. А. Нѣгина.

ПОСТОЯННЫМИ СОТРУДНИКАМИ „РАМПЫ И ЖИЗНИ“ СОСТОЯТЬ: А. Ардовъ, Т. Ардовъ, И. М. Архангельский, В. Базилевскій, Н. Басъ, С. Бирюковъ, Н. Н. Ващекевичъ, Н. Высотскій, В. Н. Гартевельдъ, Э. Гольденвейзеръ, А. С. Грузинскій, Ю. Денике, Н. Г. Еремѣевъ, В. Е. Ермиловъ, Евт. П. Карповъ, І. І. Колышко, А. И. Косоротовъ, В. Ф. Лебедевъ, Б. Ф. Лебедевъ (Лондонъ), А. Н. Лепковская, М. Ф. Ликіардопуло, Lolo, Лозингризъ, Як. Львовъ, Г. С. Макриди, С. С. Мамонтовъ (Матовъ), Э. Э. Маттернъ, Вл. И. Немировичъ-Данченко, А. М. Пазухинъ, И. С. Платонъ, С. Ф. Плевако, А. А. Плещеевъ, И. И. Поповъ, Ник. Ал. Поповъ, В. В. Протопоповъ, С. Д. Разумовскій, П. А. Сергѣенка, А. А. Смирновъ, Н. Соловьевъ, Л. А. Суллержицкій, кн. А. И. Сумбатовъ (Южинъ), Н. Д. Телешовъ, Н. И. Тимковскій, Н. Урванцовъ, В. Хавкинъ, М. Шикъ, И. Ф. Шмидтъ (Рудинъ), Н. Е. Эфросъ, Сергѣй Яблоновскій, Д. Д. Языковъ; художники: В. П. Дриттенпрейсъ, Н. П. Крымовъ, Н. Сапуновъ, С. Ю. Судейкинъ, Г. Б. Якуловъ, Andre, И. Малютинъ, Д. Мельниковъ, Г. Рабиновичъ и друг.

ЕРМОЛОВОЙ.

Сегодня—сорокъ лѣтъ съ того знаменательного въ исторіи московскаго Малаго театра вечера, когда на эти подмостки впервые вступила робкою дебютанткою, почти дѣвочкою, будущая королева русской сцены, Марія Николаевна Ермолова.

Сегодня—сорокъ лѣтъ, какъ сверкаетъ этотъ громадный, лучезарный талантъ и льетъ въ сердца своихъ зрителей свѣтъ возвышенной художественной радости.

Прекрасный праздникъ искусства.

М. Н. Ермолова самыми рѣшильными образами воспротивилась какому-либо «юбилею». Еще осенью, когда вспомнили, что скоро «сорокъ лѣтъ»,—артистка категорически заявила, что не хочетъ она никакого чествованія. Сказала, что настоитъ, чтобы въ вечеръ 30-го января она не была даже занята въ спектаклѣ. Если увидить, что не хотятъ исполнить ея желанія,—уѣдетъ на эти дни изъ Москвы.

Ея воля исполнена. Чествованія, которое вышло бы такимъ грандіознымъ, въ которомъ опять со всею силой выразилась бы горячая любовь Москвы къ своей великой артисткѣ,—не будетъ. Въ Маломъ театрѣ назначена пьеса безъ Ермоловой.

Но М. Н. Ермолова не властна надъ нашей памятью, надъ нашими чувствами. Смѣло нарушая ея волю, мы приносимъ выраженіе восторга и признательной любви той, которая четыре десятилѣтія гордо несла стягъ русскаго сценическаго искусства, которая привила прекрасную страницу въ исторіи русскаго театра. На рубежѣ пятаго десятилѣтія радостно привѣтствуемъ мы славнаго художника въ твердой належдѣ, что передъ нимъ—еще рядъ новыхъ прекрасныхъ свершений.

Три года назадъ болѣзнь и переутомленіе увеличили Ермолову изъ театра. Пошли тревожные слухи, говорили, что эта не времененная лишь разлука, что навсегда прощается Ермолова со сценой и московскою публикою, рѣшила не возвращаться. Кто не помнить, какъ отнеслась Москва къ своей артисткѣ въ этотъ спектакль!.. Къ счастью для театра, тревога оказалась напрасною. Болѣзнь была побѣждена, усталость прошла.

Ермолова вернулась. И въ трехъ новыхъ роляхъ, сыгранныхъ послѣ возвращенія, въ Кручининой, царицѣ Марѣ и фру Альвингъ, опять со всею былою полнотою силы заговорилъ ея громадный талантъ. Опять была ея игра потрясающею, возвышенною и возвышающею. Опять наполнился Малый театръ скорбною красотою ея чистыхъ слезъ. Во всеоружії входитъ Ермолова сегодня въ пятое десятилѣтіе своего служенія жизни искусствомъ.

Цѣлые поколѣнія московскихъ зрителей выросли подъ обаяніемъ творчества Ермоловой. Тѣ, которые старше насы, вспоминаютъ съ глазами, сверкающими восхищеніемъ, Ермолову первыхъ сценическихъ лѣтъ, взволнованно, какъ о первой любви, рассказываютъ обѣ ея Эмиліи Галотти и обѣ ея Лауренціи, о томъ, что происходило въ собравшемся на первый ермоловскій бенефисъ залѣ, когда молодая артистка, вся пылая въ экстазѣ, произносила монологъ:

«Или не говорять вамъ о тиранствѣ
Вотъ эти волосы мои?..»

Мы не застали этой раннѣй полосы сценической жизни Ермоловой. Но воспоминаніе другихъ обѣ этихъ спектакляхъ такъ ярки, такъ трепетны, что, кажется, будто и это мы знали не только по рассказамъ. Точно и это нами непосредственно пережито, видѣли мы Лауренцію, вѣгающую въ изодранномъ подѣнечномъ платьѣ, съ разсыпавшимися по плечамъ волосами и лихорадочнымъ огнемъ въ расширенныхъ оскорблениемъ глазахъ.

И во всей яркости живутъ въ нашей памяти образы, созданные Ермоловой во вторую половину ея дѣятельности,—образы, всегда трепещущіе правдою, всегда осѣненные красотою глубокаго страданія. Длинный ихъ строй тянется черезъ десятилѣтіе, отъ застѣнчивой Юдиѳи до Орлеанской Дѣвы, отъ Орлеанской Дѣвы—до Марии Стюартъ и Эстрѣлы, Сафо и Леди Макбетъ, царицы Зейнабъ и фру Альвингъ.

Стоитъ лишь назвать эти имена, чтобы встали въ фантазіи во весь ростъ, такъ и загорѣлись красками, эти незабываемыя, величавыя фигуры. Во всѣхъ

здоровымъ восприятиемъ, и публикѣ незачѣмъ становиться на точку зреінія психоцата. Ужъ если она можетъ стать на такую точку, то пусть это произойдетъ подъ вліяніемъ *игры* актера: если она такъ сильна, что преодолѣетъ у части публики чувство дѣйствительности, слава таланту—но помогать ему, а не

творчества актера, то второй—изображеніе сна при помощи живыхъ людей долженъ быть отвергнутъ по нѣсколько инымъ основаніямъ. Прежде всего, здѣсь та же самая „матеріализація“, только уже не галлюцинаціи, а сна, т.-е. опять—таки того явленія, которое, во-первыхъ, нематеріально и, во-вто-

**Марія Николаевна Ермолова
(1870—1910 гг.).**

(Къ 40-лѣтію сценической дѣятельности).

мой взглядъ, *изгнать* ей это значитъ *изгнать* глубокое недовѣріе къ творческимъ силамъ актера: пусть она сама создастъ иллюзію созданій своего большого мозга.

Но если этотъ пріемъ заслуживаетъ осужденія съ точки зреінія извращенія психологической перспективы и уменія

рыхъ, реально существуетъ лишь для того, кто спитъ; такой синдромъ на сцѣнѣ совершиенно неумѣстенъ, даже если сонный видѣвія „воплощаются“ въ живыхъ людяхъ, а не въ свѣтовыхъ картинахъ, и пожалуй не „даже“, а „особенно“, ибо послѣднія менѣе „матеріальны“, чѣмъ первыя. Но здѣсь

М. Н. Ермолова въ роли Жанны Д'Аркъ.

есть еще одна сторона, заслуживающая всякаго порицанія: нынѣ моментъ погруженія сцены во мракъ, знаменованаго наступленіемъ для Передонова сна, на сценѣ были дѣйствующія лица, *кромѣ него*: Вершина, Марта, Владя. Какъ понимать все происшедшее по отношенію къ пьесѣ? Еще можно осмыслить, что зритель какъ бы засыпаетъ съ Передоновымъ, но они?

Позволю себѣ обобщить сказанное и оправдать его съ точки зреінія двухъ руководящихъ сценическихъ принциповъ. Первый. Сцена всквозь проникнута *драматизмомъ*, обособленностью "психическаго" и "матеріальпаго", и вина и условнаго въ бытового театра, именно, въ томъ, что каждый изъ нихъ пренебрегаетъ тѣмъ или пытмъ элементомъ сцены. Второй. По аналогіи съ растущей властью человѣка надъ средой, надъ природой, съ углубленіемъ *сущности* и расширениемъ *приложения* его творчества, пусть не суживается, а усиливается роль актера на сценѣ, и съ этой точки зреінія будущее скорѣе за "условной", чѣмъ за "жизненной" обстановкой. И пусть лозунгомъ современной сцены, пользуясь гиперболой, будетъ: *не овеществляйте душу—одушевляйте ее*.

В. Тихоновичъ.

Циркуляръ о жестахъ.

Циркуляры, циркуляры, циркуляры...

Тридцать пять тысячъ циркуляровъ!

Они вихремъ несутся па жизнъ, они врываются въ искусство, они пытаются обнять собою все: и экономію, и политику, въ общественную жизнь, и религию и, наконецъ, самое неприкословенное въ человѣкѣ—его творчество.

Циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ, недавно разосланный губернаторамъ и градоначальникамъ, обнаруживаетъ именно попытку наложить свою цензурную лапу на творчество человѣка.

Циркуляръ этотъ вмѣняетъ полицейскимъ чинамъ въ непримѣнную обязанность наблюдать за тѣмъ, чтобы драматическая произведенія, куплеты и т. п. исполнялись въ строгомъ соответствии со *текстомъ*, разрешеннымъ драматической цензурой, и чтобы исполнение ихъ не сопровождалось *жестами* или *обстановкой*, придающими имъ циничный характеръ.

Настоящий циркуляръ вызванъ будто бы тѣмъ, что антрепренеры и режиссеры частныхъ театровъ ставятъ пьесы, преумножающие фарсы, не соблюдали сдѣланныхъ цензурой исключений въ текстѣ, или же дополняютъ новыми сценами и фразами.

Но, конечно, и цинизмъ исполнителей и ссылка на фарсы— это только фиговые листочки циркуляра.

Вѣдь если сгѣть на точку зреінія циркуляра въ цѣляхъ охраны общественной нравственности, то особой логикой не нужно обладать, чтобы прийти къ общему опредѣленному и категорическому решѣнію:

— Къ необходимости совершенного запрещенія постановки фарсовъ и безусловного закрытия шантановъ.

Потому что и фарсъ и шантаны основною своею цѣлью имѣютъ увеселеніе публики средствами исключительно "пикантнаго характера".

Или, какъ грубо опредѣляетъ циркуляръ—*"циничнаго характера"*.

Вѣдь нельзя же будетъ, въ самомъ дѣлѣ, признать общественную нравственность охраненню отъ цинизма, если полуобнаженная "субретка" будетъ нѣть свои "половые" куплеты, которые она поетъ теперь съ разрѣшеніемъ цензуры,—по вѣдь имъ циркуляра, перестанетъ только дрыгать ногами и вообще сопровождать куплеты циническими жестами.

Или, напримѣръ, если будутъ разрѣшены цenzурой (а значитъ признанный нравственнымъ) фарсъ "Нуль" исполнить безъ циническихъ жестовъ въ строгомъ соответствіи съ текстомъ", котораго въ самомъ безстрастномъ чтеніи достаточно, чтобы заставить покраснѣть отъ смущенія цѣлый табунъ лошадей.

И если даже допустить, что циркуляръ возымѣть самую рѣшительную силу и вытравить изъ исполненія фарса и изъ шантановъ куплета даже малѣйшее попользованіе на циническую жестокулію, то и тогда ини самая компромиссная логика въ мірѣ не признаетъ права за фарсомъ и шантаномъ куплетомъ стать на высоту требований общественной нравственности.

И въ области фарса и куплета попытки циркуляра сводятся къ забанной тактике страуса, который прячетъ голову подъ крыло и думаетъ, что спрятался отъ врага.

Но если здѣсь циркуляръ о жестахъ и строгомъ соответствіи съ текстомъ сводится къ страусовой наивности, то въ области серьезной драмы онъ можетъ сыграть очень печальную роль.

А при иѣкоторомъ усердіи строгихъ блюстителей,— даже и опустошительную.

Каждому, мало-мальски знакомому съ театромъ, известно, что не только рядовая пьесы, но даже и классический сплошь и рядомъ на сцѣнѣ подвергаются въ постановкѣ и въ трактовкѣ самымъ различными измѣненіямъ.

Каждый театръ, каждый режиссеръ и каждый актеръ вносятъ въ пьесу свое личное пониманіе, свое толкованіе, свое выраженіе.

Словомъ, свою индивидуальность.

И вотъ это-то разное толкованіе, эта различная индивидуальность и являются тѣмъ самыми основными, самыми существенными, безъ чего драматическое искусство потеряло бы свою цѣнность, что міровая литература и называетъ "сценическимъ творчествомъ".

М. Н. Ермолова въ роли Маріи Стюартъ.

Любовную сцену написанную авторомъ въ сдержаныхъ сценахъ одинъ исполнитель облекаетъ въ строгую пурпурную цѣломудренность, другой исполнитель озаряетъ бурнымъ эротическимъ захватомъ.

Они оба нарушили "строгое соответствие тексту".

Но именно этимъ нарушениемъ только и живо и чѣно ново сценическое творчество.

Если бы Сарръ Бернаръ, Дюзъ и Комміссаржевской предписано было въ ихъ исполненіи "строгое соответствие

съ текстомъ" и если бы къ пьесѣ былъ приставленъ "около-точный надзиратель Свистуновъ съ циркуляромъ на груди и съ текстомъ въ рукахъ блюсти за "строгимъ соотвѣствіемъ", то приѣдь ли міръ узналъ бы, что существуютъ такія три великия артисты, что каждая изъ нихъ въ одной и той же роли творить новую форму, новый образъ, новую красоту.

"Строгое соотвѣствіе съ текстомъ"!

А вдругъ Свистуновъ въ самомъ дѣлѣ рачитолько придется вводить это строгое соотвѣствіе?

Съ его стороны будетъ совершенно "закономѣрно", если онъ во исполненіе циркуляра явится въ Художественный театръ на "Ревизора" и среди акта вдругъ зычи гаркнетъ:

— Стой! Это по какому праву на сценѣ безкорсентныя и голоногія дворовыя дѣвки шмыгаютъ, когда ихъ не только подъ красными карандашами, а по тексту нѣтъ?

И тутъ же составить протоколь "объ отступлениіи отъ текста" и "объ обстановкѣ, придающей исполненію щиничный характеръ".

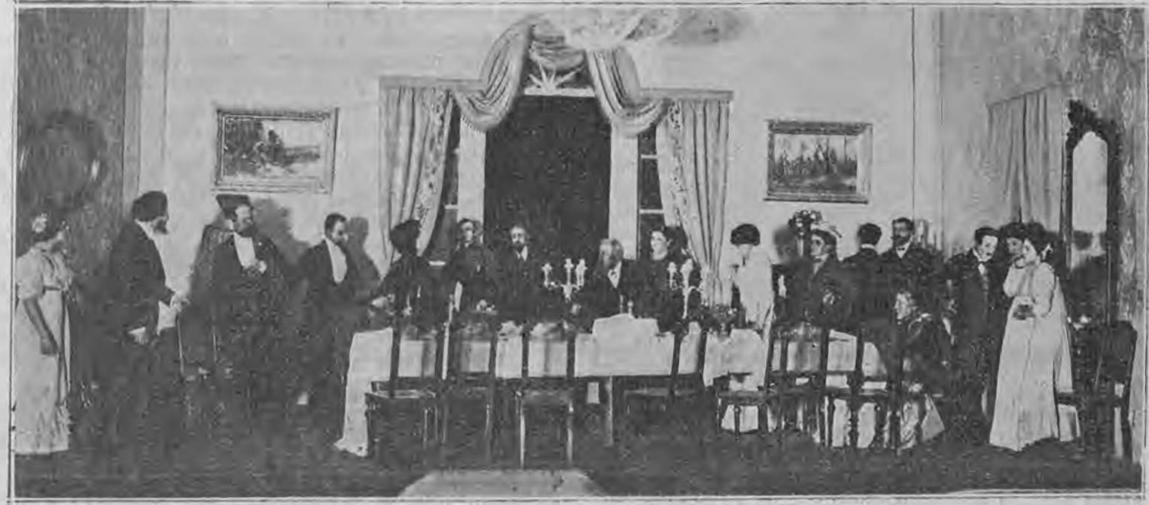
Поди, толкай ему, что весь міръ съ чуткимъ вниманіемъ слѣдить за "эволюціей творчества Художественного театра".

А если еще представить себѣ, что не всѣ россійскіе Свистуновы усвоили въ разборѣ текста и исполненія пьесы

Въ "Анфисѣ" Андреену измѣнило то, что всегда составляло главную силу его творчества — чутые трагического, чутые ужаса жизни. Это чутые составило ему славу, которая вѣдь началась съ 1-го тома рассказовъ. И успѣхъ этихъ рассказовъ былъ, пожалуй, наиболѣе заслуженнымъ. Всѣ они были объединены какой-то особой жутью, и каждый изъ нихъ непремѣнно изображалъ трагедію въ самой обыденной жизни. Какое-нибудь безысходное столкновеніе. Тупицъ, въ который люди толкаются съ какой-то роковой силой, но изъ которой нѣтъ ни выхода, ни возврата. Въ дальнѣйшемъ Андреевъ съ тѣмъ же чутью трагического реагировалъ на всѣ крупные события русской жизни — войну, революцію — на всѣ "темы дня". Здѣсь не мѣсто ви вдаваться въ воспоминаніе объ отдѣльныхъ произведеніяхъ, ни прослѣживать линіи развитія андреевскаго творчества съ его то неуклоннымъ ростомъ, то колебаніями вверхъ и внизъ и съ пѣльмъ рядомъ яркихъ до ослѣпительности вспышекъ его могучаго таланта. Пусть читатель самъ пролѣтаетъ это, чтобы тѣбѣТЬся, что почти всегда, когда у Андреева было что-либо сильное, захватывающее, это была какая-нибудь острая жизненная трагедія, какой-нибудь "туникъ".

Левъ Толстой какъ-то сказалъ объ Андреевѣ: "онъ пу-

Театръ Незлобина. „Анфиса“.

III актъ.

рецензентскую тонкость московскаго Свистунова, по тѣмъ не менѣе страстно, отъ всей присущей присущи души "рады стараться"!

Картина вырисовывается довольно ясная.

Режиссеръ долженъ будеть уступить свое мѣсто дежурному Свистунову и артисты должны будуть жестинулировать только по командѣ Свистурова.

— Смирно! Русы по швамъ! Щи глазами Дездемону!

— О, Дездемона!..

— Кульгинъ! Отвѣтай словесности!

— Я доволенъ! Я доволенъ! Я доволенъ!

I. М—чъ.

„Анфиса“.

Уволенная по распоряженію начальства изъ Малаго театра "Анфиса" появилась у Незлобина. "Пожаръ способствовалъ ей много къ украшенію". Целѣпая исторія со снятіемъ пьесы съ репертуара казинаго театра послѣ генеральной репетиціи значительно подняла интересъ къ "Анфисѣ" и сдѣлала ся постановка сенсаціей.

Масла въ огонь подлило еще запрошеніе "Анатемъ". И, если постановки "Анфисы" въ Маломъ театрѣ ждали, быть можетъ, съ интересомъ, но вполнѣ спокойно, то незлобинской постановки ждали уже съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ, какъ выдающагося события. Однако, ореолъ мученичества "украсилъ" андреевскую пьесу только въ глазахъ публики, а внутреннихъ достоинствъ сї, конечно, не прибавилъ. Не выиграла она на сценѣ и по сравненію съ чепіемъ. Наоборотъ, коренные дефекты пьесы на сценѣ незлобинского театра выступили еще рельефнѣе и только отчасти складывались исполнениемъ. А наиболѣе сильные, наиболѣе талантливые моменты исполненія (Рощина-Чесарова—Анфиса) часто даже только рѣзче подчеркивали слабость автора).

гаетъ, а мнѣ не страшно", и эта фраза очень часто повторялась "критиками" Андреева. Но Толстой не можетъ быть признать авторитетомъ именно въ этомъ случаѣ. Съ точки зреілія жизнепониманія Толстого ужасъ Андреева, конечно, не страшенъ. Но это исконно не противорѣчитъ тому, что Андреевъ дѣйствительно раскрывалъ ужасъ жизни въ своихъ произведеніяхъ, ужасъ для всякаго, кто не достигъ возможностей преодолѣть его успокоительными оптимистическими міропонимавіемъ. А сплошь да рядомъ — и въ первыхъ произведеніяхъ чаще, чѣмъ въ позднѣйшихъ — андреевскій ужасъ не можетъ исходить вслікаго читателя, потому что въ андреевскихъ "тупикахъ" жестоко страдаютъ люди. И я, несмотря на всѣ художественные дефекты "Анатемы", не могу не признать большой силы за этимъ произведеніемъ, гдѣ опять-таки Андреевъ рядомъ яркихъ образовъ и сценъ изображаетъ трагедію человѣческаго разума, бывающую о стѣнѣ непознаваемаго, и человѣческаго срѣди, не находящаго у разумъ желания отвѣтить на вопросъ о смыслѣ жизни, на жажду міровой гармоніи. А на риду съ этой еще трагедія безысходного горя людскаго, которое всколыхнулось при вѣсти о благодѣйніяхъ Лейзера и разлилось трепетно волнующимся моремъ.

Лѣтъ-два остановился на "Анатемѣ", потому что въ неожиданно оптимистическихъ нотахъ эпилога появилось несомнѣнно указание на то, что Андреевъ принимаетъ новое міропониманіе, идущее опредѣлѣнно въ разрѣзъ съ его "чутью". "Лейзеръ достигъ безсмертія" — развѣ это вытекающій изъ трагической коллизіи драмы, чѣмъ-либо мотивированій финалъ? И это показываетъ намъ, что разрушается уже органическая целѣность творческаго процесса писателя. Что двѣ силы тянутъ его въ разныя стороны. Творческий инстинктъ не совпадаетъ болѣе въ своихъ тенденціяхъ съ *второй* художника и головной регулирующей работой автора, уже подчиняющейся его вѣрѣ... А вѣдь это — та трагедія творчества, жертвой которой наль Гарькій, у которого новая нѣра и головное міровоззрѣніе подавили "нутро" писателя. Въ Гарькѣ умеръ художникъ-творецъ, очистивъ

Театръ Незлобина. „Анфиса“.

Анфиса—г-жа Рощина-Инсаурова.

Рис. В. Татищева.

место тевдевіюзому сочинителю. Неужели тѣмъ же путемъ иойдетъ и Андреевъ. Хотѣлось бы вѣрить, что вѣть, — то есть признаки, указывающіе на такую возможность.

И самое роковое предзначевованіе — въ «Анфисѣ». То, о чёмъ я говорилъ въ вачалѣ. То, что въ «Анфисѣ» Андрееву измѣняетъ его чуть трагического. Тема взята трагическая — «трагедія пола», если угодно. Но это трагизмъ, не «учувивный» писателемъ, а навязанный ему. Это реакція не на то, что волнуетъ. неотвязно мучить писателя, а на модную тему. Разъ вспоминаютъ Толстого, трудно забыть его. И вѣроятно возникаетъ сопоставлениe. Свое письмо о смертной казни великий писатель озаглавилъ: «Не могу молчать». И, читая Толстого, вы чувствуете, что онъ пишетъ потому, что не можетъ молчать. А другое потому, что хотятъ говорить. Такъ написана и «Анфиса». И это — второе, что заставляетъ бояться за судьбу Андреева, какъ художника. Нѣти въ «Анфисѣ» полной искренности художника, той внутренней свободы творчества, безъ которой мертвое созданіе — тогда уже сочиненное писателемъ. И отмѣченніе дефектовъ тѣмъ ощущительнѣе, что соблюдена вся вѣшнность андреевскаго трагизма. Завинзывается изъ отношений людей узель, который нельзя распутать. Анфиса Костомарова заходитъ въ «туникъ» — впереди идти некуда, но пѣсть и возвратъ. Для олицетворенія роковой силы существуетъ бабушка. Стало быть есть все, что требуется. Но трагедіи Андреевъ не даетъ, не даетъ тѣхъ жуткихъ ощущеній, которыми реагируемъ мы всегда на трагическое, безъходное. Вы чаще недоумѣваете, чѣмъ трещите. Ощущаете больше какої-то сумбуръ, чѣмъ ужасъ. Во 2-мъ дѣйствіи, напримѣръ, Анфиса добивается у Костомарова, чего ему вужно. Она не можетъ постичь — отъ этого, повидимому, и пронистекаетъ трагедія. Но бѣда въ томъ, что и читатель не можетъ разобраться въ томъ, что же нужно Костомарову отъ женщины. Что должна была сдѣлать Анфиса, чтобы сохранить его? Пустить въ самомъ дѣлѣ тароликъ въ лицо беременной сестрѣ? Можетъ быть. Потому что Костомаровъ пр склоняется передъ Анфисой, когда она публично бросается въ него рюмку и называетъ его подлецомъ. И что озвѣчаетъ этотъ поступокъ Анфисы? Протестъ рабы, вдругъ переросшей свое унижение? А, можетъ быть, просто истерику настрадавшейся женщины?

Ис однѣ изъ главныхъ персонажей пьесы не выяснены. Что такое Анфиса? Просто женщина, полюбившая и всей душой отдавшаяся своему чувству, или же какая-то квинт-эссенция пресловутаго вѣшигировскаго „Ії“, жертва и мстительница въ трагедіи рабства одного пола другому? Что

такое Костомаровъ? Богатырь духа, несмотря на свою духовную мощь, не находящій силь совладать со своей плотью, или тоскующій мечтатель, ищущій женщину-человѣка, или же просто доморощенный «сверхъ-человѣкъ» съ разнозданной чувственностью? А бабушка? Не кажется ли она хорошимъ замысломъ, попавшимъ не въ ту пьесу? Затѣмъ она въ «Анфисѣ»? Почему такъ боится ее Костомаровъ? Что она такое? Сорѣсть ли, или духъ рода, утверждающій господство плоти въ человѣкѣ? Я не буду говорить о частныхъ дефектахъ, часто спидѣтельствующихъ только о небрежности работы. Имъ можно противостоять и сильныя талантливыя мѣста, Главнѣе недостатки пьесы — отсутствие яснаго замысла, мотивированности дѣйствія, логики въ его развитіи. Есть трагический остатокъ, трагический переживанія, но нѣтъ сказавшаго единственно замысла и пережитаго цѣлаго — цѣль трагедіи. Словно „Тегетог Антикусъ“ Бакста. Нарисовано что-то страшное, есть сильныя детали, а въ цѣломъ — весь ужасъ, вся катастрофа точеть въ сумбурѣ красокъ, въ безжизненномъ и грязномъ колерѣ.

У Незлобина «Анфису» поставили и играли старательно, отчасти хорошо. Но автора не исправили...

Кромѣ г-жи Рощиной-Инсауровой. Ея Анфиса — живой, вевызывающей недоумѣнія образъ. Артистка безхитростно подошла къ своей задачѣ и заслуживаетъ за это большой благодарности. Ея Анфиса — любящая и страдающая женщина безъ всякой загадочности и безъ всякой „миссии“. Она и въ 1-мъ актѣ не „гордая, святая“, а уже раба своего чувства, но еще борется съ нимъ послѣдними судорожными усилиями во имя долга, любви къ сестрѣ. А со 2-го акта артистка рисуетъ драму разбитаго чувства — драму сильную и содергательную. Ея толкованіе Анфисы совершенно независимо отъ того, какъ понимать Костомарова. По отношенію къ той Анфисѣ, которая была па сценѣ, она была „обманувшими“ любовницѣ, мучающимъ и оскорбляющимъ. А она любила и страдала — подлинной любовью, подлинной мукою. Были у г-жи Рощиной-Инсауровой и слабыя мѣста, но были и моменты огромной силы. Всего лучше — конецъ 2-го акта. Здѣсь у дверей Костомарова такъ легко было сбиться на шаблонную истерику. Артистка осталась крайнедержанной во вѣшнихъ проявленияхъ, но тѣмъ сильнѣе передалась зрителю глубокая внутренняя драма. Талантливая, большая артистка. Театръ Незлобина пріобрѣлъ съ нею много.

Въ исполненіи г-жи Бѣлгородского Костомаровъ вызываетъ тѣ же недоумѣнія, что и при чтеніи пьесы. Мало использовать артистъ и отдельные благодарные моменты роли, но давъ имъ должной мрачной сосредоточенности въ монологѣ 1-го акта передъ старухой, и темперамента въ сильныхъ мѣстахъ, и лирической нѣжности въ сценахъ съ Иппочкой. Много вѣшнаго пафоса, приподнятаго тона и ничего цѣльнаго въ фигурахъ, мало интереснаго въ деталяхъ.

Петербургъ. Новый театръ. „Анфиса“.

Анфиса — г-жа Голубева.

Г-жа Кручинина-Годз усилино подчеркивала въ исполнении Александры Павловны животные черты и, впадая въ грубую утрировку, изображала глубоко-отталкивающее, порою почти чудовищное существо. Элементы для такого толкования роли есть, но не проще ли представлять Александру ордиарной, доброй и ограниченной женщины, способной на женскую пристрастивно-хитрую вспышку? Александра въ качествѣ „квинт-эссенціи“ самки имѣла бы смыслъ, если бы и Аифиса и Ниночка тоже были не просто жепящими, а какими-нибудь „квинт-эссенциями“. Но мы уже говорили о толкованіи Аифисы г-же Рошиль-Инсаровой, а г-жа Вульфъ—въ общемъ мало удачная Ниночка—была въ свою очередь, вполне обыденной женщиной-подросткомъ.

Отлично сыгралъ Татаринова г. Нероновъ. На ридуль Аифисой это была самая живая фигура, вылѣпленная сочно и рельефно.

Удалась г-жѣ Васильевой бабушка: было въ ней что-то загадочное и смокойко-зловѣщее. Но зачѣмъ въ „Аифисѣ“ этотъ символъ, что она здѣсь должна означать—отъ талантливаго выполнения талантливаго замысла ясно не сдѣлалось.

М. Юрьевъ.

Москва.

Л. В. Собиновъ 1 февраля уѣзжаетъ въ Петербургъ на рядъ гастролей въ Мариинский театръ.

Пѣвецъ постѣ петербургскихъ гастролей вернется въ Москву и будетъ пѣть въ „Ромео и Джульеттѣ“ на масленицѣ недѣль.

Л. В. Собиновъ на тѣо приглашены гастролировать въ Кисловодскій желѣзничородочный театръ.

Въ ближайшемъ будущемъ премьер-министръ П. А. Столыпинъ устраиваетъ у себя нѣсколько музыкальныхъ вечерь.

Нѣз московскихъ артистовъ рѣшено пригласить артистку Большого театра г-жу Нежданову.

К-и. А. И. Сумбатовъ на дняхъ собралъ всю труппу Малаго театра и обратился къ ней съ рѣчью, въ которой, указавъ на существующее запрещеніе артистамъ казенныхъ театровъ выступать на частныхъ сценахъ, просилъ собравшихся строго придерживаться этихъ правилъ.

Съ 1 мая артисты Малаго театра, раздѣлившись въ двѣ группы,ѣдутъ на гастроли въ провинцію. Одна группа предполагаетъ поѣхать сибирскіе города, другаяѣдетъ на югъ.

Антрепренеръ гг. Дума и Валентиновъ въ настоящее время ведутъ переговоры съ нѣкоторыми артистами Малаго театра о приглашеніи ихъ въ труппу гастрольныхъ спектаклей г-жи Гзовской въ Петербургѣ. Ведутся переговоры также и съ нѣкоторыми артистами московскихъ частныхъ театровъ.

Г. Померанцевъ, удачно выступивший въ оперѣ Зимина, въ качествѣ дирижера подписалъ къ нему на будущій сезонъ.

Артистъ Художественного театра г-нъ Знаменскій выступилъ въ оперѣ Зимина на пробѣ. Его басъ произвелъ впечатление, и онъ будетъ принятъ въ труппу.

Возвратились изъ Харькова Федоръ Сологубъ, гдѣ онъ присутствовалъ на первомъ представлѣніи „Мелкаго бѣса“. Ф. Сологубъ присутствовалъ на представлѣніи „Аифисы“ въ театрѣ Незлобина. На-дняхъ состоялось собесѣданіе его съ труппой о новой пьесѣ „Побѣда смерти“, которая будетъ поставлена въ театрѣ Незлобина до поста.

Въ скромъ времени возвращается въ Москву композиторъ г. Рахманиновъ, и 13 февраля выступить солистомъ въ симфоническомъ собравшемся Филармоническомъ общества.

Концертъ Л. Г. Сироты прошелъ съ успѣхомъ, исключительно и вполнѣ заслуженнымъ. Громадный голосъ съ разительными верхними потами, вызвалъ общий восторгъ. Нѣсколько вещей г. Сиротѣ пришлося бисировать.

Выдѣлился и въ хорѣ солистъ, мальчикъ-альте, которому, также была устроена овация. Много аплодировали и участвовавшимъ въ концерте скрипачу г. Зиссерману и виолончелисту г. Букинишу. Извились на концерте и „всѧ Москва“ первыхъ представлений въ концертовъ, артисты оперы, Малаго, Художественного и другихъ театровъ.

Бывшій режиссеръ театра Незлобина г. Марджановъ, выставившій свою кандидатуру на должность режиссера драматического театра въ Софиѣ и уже получившій приглашеніе туда, теперь отказался отъ этого мѣста. Онъ надѣется применить свое знаніе сцены съ большимъ успѣхомъ въ Россіи. Слухи о приглашеніи г. Марджанова въ Художественный театръ не подтверждаются.

Дальнѣйшій порядокъ новинокъ въ театрѣ Корша опредѣлился слѣдующій: постъ „Дѣтей“ Крамешникова, 5-го февраля, для бенефиса Кригера, „Подъ маской шута“ Баталия и „Женскій парламентъ“ Гарина; 12-го февраля

новая пьеса Гордова „Мирра Эфросъ“ и 19-го „Ороль“ Червивского, который будетъ итти съ измѣненными писателемъ послѣднимъ актомъ.

Г. Синельниковъ вѣдеть переговоры съ разными театрами о снятіи ихъ па Великій постъ для постановки драматическихъ спектаклей съ одесской труппой. Въ числѣ боевыхъ новинокъ предполагается пьеса Юшкевича „Комедія брака“.

Предполагавшаяся поѣздка постомъ труппы Корша въ Полтаву не состоится. Но всѣмъ вѣроятіемъ, труппа на гвардейскихъ начальахъ будетъ продолжать спектакли и постомъ.

14-го февраля въ Благородномъ собрании состоится обычный вечеръ студентовъ-клинического, устраиваемый артисткой О. И. Мельгувовой. Въ концертномъ отдѣлѣ будутъ поставлены двѣ музыкальныхъ миниатюры „Концертная паррафаза“ Александра Архангельского и „Русалка“ Рубинштейна на исполненіи извѣстныхъ артистовъ. Въ день концерта прѣѣзжаетъ изъ Петербурга О. И. Миткевичъ, которая исполнитъ новый мелодраматіи. По окончаніи концерта Большомъ залѣ—блестящій балъ, а въ Маломъ въ 12 ч. открывается стильное кабарѣ „Рай въ адѣ“ съ кою программой, которая осуществится полностью б.

тому, что дирекціи частныхъ театровъ, разрѣшили любезнъ участвовать своимъ гг. артистамъ. Среди

И. В. Плевицкая. В. И. Ильинская, большой балетный дивертисментъ, извѣстные артисты театровъ Эрнштѣль,

Буфф и Король. Кроме того специально приглашены выдающиеся (грандіозные) заграничные NN жанра варіете. Conferansier саваге артистъ А. А. Надеждинъ.

На обломкахъ дѣла Лебедева вѣкоторою изъ актеровъ рѣшили создать новое. Это будутъ общедоступные спектакли, при чемъ репертуаръ, въ большей части, малорусскій. Днемъ и послѣ спектаклей—демонстрація усовершенствованного кинематографа. Организаторъ нового дѣла г. Козловскій, оформилъ въ театральномъ бюро договоръ 11 актеровъ изъ состава Лебедевской труппы, образовавшихъ товарищество. Представитель г. Лебедева, г-жа Лебедева, отказалась отъ правъ на театръ, и новое товарищество вошло въ ценоизмененіе собственности переговоры съ уполномоченнымъ собственника „Акваріума“ г. Соловейчика, г. Коварскимъ. Послѣдний идетъ наистрѣбъ погорѣвшимъ кружевамъ Лебедевымъ и даетъ возможность арендовать театръ на льготныхъ условіяхъ. Предполагается начать спектакли въ февралѣ. Не исключается и чемпионатъ борьбы.

Юбилей Н. О. Васильева.

Чествовать Н. О. Васильева по случаю 25-лѣтия его сценической дѣятельности собралось въ Литературно-художественный кружокъ много публики, дружно и горячо привѣтствовавшей юбиляра. Н. О. Васильевъ игралъ свою коронную роль—Хлестакова—и игралъ превосходно.

Конечно, поработавъ на сцѣнѣ 25 лѣтъ, цѣльзъ не быть слишкомъ пожилымъ и нѣсколько тяжелымъ Хлестаковымъ. Но тѣмъ больше должны мы пѣнть дарование и мастерство игры, которая заставляла забывать о этихъ дефектахъ вѣлѣнности. Вышукость сценическаго образа Хлестакова, которому артистъ тонко придаетъ вполнѣ умѣстную долю барства, легкость и мягкость тона, живость игры, блестящая отдѣлка—все это дѣлаетъ Н. О. Васильева и сейчасъ выдающимся воплотителемъ безсмертнаго гоголевскаго типа. Чествование состоялось послѣ 3-го акта и открылось привѣтствиемъ отъ труппы Малаго театра, пославшей дощутацию въ составѣ г-жи Садовской и гг. Гравдина, Падарина, Платона, которая поднесла юблюю почетный жетонъ. Затѣмъ попытались еще депутатиціи, привѣтственныи рѣчи, подарки—отъ учениковъ юбиляра, кружковъ Литературно-художественного и „Любителей сценическаго искусства“, отъ артистовъ „Акваріума“, „Украинской громады“ (адресъ на малорусскомъ языке) и т. д. Много телеграммъ—вѣтъ томъ числѣ отъ Г. И. Федотовой, М. И. Садовской, И. И. Грекова и др. Привѣтствия затинулись, и все чествование пошло топтымъ задулевый характеръ.

„Гамлетъ“ у Зимина.

25-го января состоялось первое представление оперы Тома—„Гамлетъ“. Нельзя поздравить дирекцію съ удачнымъ приобрѣтеніемъ: опера скучна и мало интересна во всѣхъ отношеніяхъ. Музыка дешевыка, да и нужно удивляться смѣлости скопокаго композитора, взявшагося за Гамлета, весьма мало поддающагося музыкальной иллюстраціи: курьезно слышать въ пѣніи,—быть или не быть,—въ особенности придать во вниманіе примитивность и заурядность музыки, сопровождающей эти слова.

Въ сценическомъ отношеніи дѣло обстоитъ еще хуже—безцеремонность полна, за Шекспира страшно! Такъ, сцена сумасшествія Офелии происходитъ не во дворцѣ, какъ у Шек-

Театръ Незлобина. „Анфиса“.

Костомаровъ—г. Бѣлгородскій.

снира, а у рѣки, куда она является къ пароду. Здѣсь Офелія поетъ продолжительную арию и, со словами „я умираю“, надаетъ безъ чувствъ. Почти вмѣстѣ съ ея паденiemъ начинается веселый грациозный танецъ, заканчивающийся тѣмъ, что танцующие осыпаютъ Офелію цветами и убѣгаютъ, послѣ чего Офелія приходитъ въ себя.

Поставлена опера тщательно, разучено все хорошо. Г. Борчаровъ недурной Гамлетъ, но есть много партій, въ которыхъ онъ несравненно выше. Г.-жа Люце-Офелія—даетъ поэтический образъ, хотя это и не лучшая партія талантливой гастролерши.

Остальными персонажами отведено такъ мало мѣста, что въ отдельности говорить о каждомъ трудно, въ общемъ же можно сказать — сдѣлать все нужное, а больше сдѣлать изъ этой оперы пѣльза.

Опера шла подъ управлениемъ молодого дирижера г. Померанцева, впервые выступающаго въ роли оперного капельмейстера.

Дебютъ надо признать удачнымъ: г. Померанцевъ аккомпанируетъ хорошо, не заглушаетъ пѣвца, оркестръ ведетъ музыкально. Приходится только говорить объ умѣніи аккомпанировать, такъ какъ въ этой оперѣ самостоятельный дирижора почти ничего нѣтъ. Судя по дебюту, надо думать, что г. Померанцевъ въ недалекомъ будущемъ можетъ выработатьсь въ хорошаго оперного капельмейстера.

Мн.

IV и V симфонич. собраний Филармонического общества. Филармоническому обществу надо поставить въ заслугу, что оно познакомило Москву съ такимъ первокласснымъ мастеромъ дирижерскаго искусства, какъ Феликсъ Моттль, привѣзжающей къ намъ въ первый, и будемъ надѣяться, не послѣдній разъ.

Его жестикуляція какъ-то непривычно проста, какъ будто даже суха, но вливіе на оркестръ—громадно. Безъ всякой мимодрамы, безъ мелопластики, не нервируя оркестрантовъ и слушателей, чутъ было не сказать—зритеleй. Моттль умѣеть захватить и тѣхъ и другихъ и дать исполненіе замѣчательно цѣльное, сведенно къ одному широко задуманному и послѣдовательно проведенному плану.

Обращаешь на себя вниманіе полное отсутствію рѣзкостей и преувеличий и точное, убѣждшое соблюденіе авторскихъ указаний. Послѣднее даже поражаетъ изъ наше время, когда признакомъ гениальности, какъ извѣстно, считается „умѣніе сыграть горюческую Бетховена такъ, чтобы ее никто не узналъ...“

Программа IV концерта была изъ соч. Рих. Вагнера, въ толкованіи котораго Ф. Моттль, съ давнихъ поръ дирижирующій въ Бадрейтѣ, является признаннымъ авторитетомъ.

Особенно удалось на этотъ разъ Вступленіе и Свагрейтинг-шансон изъ Парсифала. Нужно сказать, что оркестръ, давній Моттль для первого его выступленія, былъ значительно хуже, чѣмъ обыкновенно въ Филармонии.

Въ V концертѣ съ лучшимъ оркестромъ Моттль далъ замѣчательное по изяществу и простотѣ стиля исполненіе вариаций изъ Divertimento № 17 Моцарта, увертюры „Флинга-

лова пещера“ и седьмой симфоніи Бетховена. Меньше памъ понравилось исполненіе „Бурн“ Чайковскаго.

Восьмой исторический концертъ И. Р. М. О. Въ программѣ—Глинка, Даргомыжский, Сѣровъ, Мусоргскій, Римскій-Корсаковъ. Слишкомъ много именъ для одного концерта.

Жаль, что не были сыграны, какъ раньше предполагалось, танцы изъ „Руслана“. М. М. Ипполитову-Иванову, дирижировавшему отчетнымъ концертомъ, особенно удались интересная „Чухонская фантазія“ Даргомыжскаго и прелестное вступление къ „Хованщинѣ“, „Разсѣть на Москвѣ-рѣкѣ“, изящно и съ большими настроениемъ сыгралное.

Вступленіе публика настоячиво потребовала повторить. Въ „Ассирійскомъ маршѣ“ темы, намъ кажется, были взяты несколько быстрыхъ.

Солисткою была талантливая Петрова-Званцева, пѣвшая совершенно больной, но имѣвшая тѣмъ не менѣе шумный успехъ у публики.

Тепло принимали дирижера.

3-й концертъ Кубелика. Кубеликъ въ своемъ „прошальномъ“ концерте, данномъ послѣ „послѣдняго“, прошелъ на вѣтру выраженному прессой желанію и пригласилъ оркестръ, правда небольшой (впрочемъ, большого тутъ и не надо) и далеко не первокласснаго состава.

Прекрасно былъ сыгранъ чудесный концертъ Моцарта. Жаль, что артистъ, могущій такъ передавать настоящую музыку, главное и почти исключительно внимание отдаетъ пѣсамъ чисто виртуозного характера, которая огнь, правда, играетъ съ удивительной легкостью и блескомъ.

Н. Бас.

Въ Литературно-Художественномъ кружкѣ.

Темъ ли успѣла уже падѣсть или иши лектора не пользуется достаточнымъ довѣріемъ, — но рефератъ г. Жураковскаго въ Литературно-Художественномъ кружкѣ „О театральномъ крѣпѣ“ не привлекъ въ публики ни охотниковъ спорить. Возражая своимъ—увы, немногочисленнымъ!—оппонентамъ, референтъ сожалѣлъ, что ему до сихъ поръ не возражаютъ представители Художественного театра, противъ котораго онъ давно воюетъ и словомъ и перомъ. Мы думаемъ, что г. Жураковскаго можетъ въ утѣшенье себѣ объяснить такое „странное“ поведеніе художественниковъ путь сознаніемъ своего бессилия. Побѣждены, уничтожены и скорбятъ о грѣхъ своихъ!

Обвинять художественниковъ, конечно, вѣ приходится: по всякому же охота сражаться съ вѣтрыми мельницами. Но кто заслуживаетъ серьезного упрека, такъ это дирекція кружка. Право, не мѣшаю бы наводить построю цензуру на вступительные слова къ бесѣдамъ и не допускать къ прочтѣнію такого набора письменныхъ словъ и глубокомысленныхъ „прогнозовъ“, какъ рефератъ г. Жураковскаго. А то вѣдь такъ нѣтрудно и въ конецъ скомпрометировать „вторники“, отбивъ охоту у солидныхъ лекторовъ читать, а у щуплыхъ ходить въ кружокъ.

Театръ Корша. Разсказать содержаніе послѣдней коршевской новинки—немецкой пьесы „Безпечальное житье“ неѣтъ никакой возможности.

Это кривиль-эссеція пошлости, специфически немецкой бургѳрской пошлости.

Для того, чтобы расшеволить заплывшаго жиромъ немца, вышившаго девять-дѣсять кружекъ пива, необходимы совершиенно особенные пріемы письма.

Специфические «вѣцы», неостроумные и тяжелые, неизрѣмные графы и лайтентанты, богатыя вдовушки, обольстительныя дѣвицы и смѣшныя старухи—все это можетъ и можетъ кого-нибудь увеселить въ Германии, но у насъ это вызываетъ только чувство унылого омерзенія.

Для чего переводить и ставить такія пьесы, загадка, достойная Эдипа.

Да, вѣдь папиши русскій авторъ такую пьесу, на нее никто и не посмотрѣлъ бы, а съ клеймомъ „made in Германию“ пичего, идетъ у насъ отлично.

Хотя теперь ужъ и публика паша выросла и по достоинству оцѣниваетъ качества подобныхъ „новинокъ“.

Но надо же щадить эту самую публику, надо щадить актеровъ—нельзя преподносить подобные искѣніи шедевры, никому ненужные, попыль и глупые.

Играютъ пьесы растерянно.

Еще г. Горицъ-Гориниевъ хотілъ и однообразенъ, но хотѣлъ приблизительно похожъ на аристократа.

Остальные же очень стараются, говорить нечеловѣческими голосами, странно ломаются, но увы, Таганка, которой отъ нихъ такъ и разить, очень далека даже и отъ первѣйшаго немецкаго курорта, выведенаго гг. пѣмѣцкими драматическими дѣлъ закройщиками.

Л.

Письма въ редакцію.

Милостивый Государь,
г. Редактор!

Такъ пишутся исторіи...

И подчасъ очны скверныя.

Подшиваемо, сегодня по лѣстницѣ въ помѣщеніе театральнаго бюро — навстрѣчу спускаются одинъ изъ журналистовъ

— Читали, что про васъ сообщаетъ „Театръ и Искусство”? — здороваясь, спрашивается меня.

— Что такое?

— Прямо гадость! Васъ опредѣлили на должность начальника ставій. Прочтите! — и мы разстались.

Входъ въ залъ, беру номеръ и читаю: „намъ сообщаютъ (курсивъ мой), что провинциальный режиссеръ В. М. Яновъ, знакомый Петербургу, послѣ продолжительной болѣзни бросилъ сценическую дѣятельность и поступилъ начальникомъ станціи Ешильи Сызрано-Вяземской и. д.“.

Благодарю ио окидалъ! Даже точно указана станція и даже по какой дорогѣ. И почему г. „сообщитель“ выбрали для меня железнодорожную дѣятельность — ты, Всевышний, вѣси!

А между тѣмъ подобное вздорное сообщеніе черезъ по-дѣло будетъ прочитано актерами и антрепренорами по всей Россіи.

Предположимъ, что какой-нибудь продприниматель, и для меня быть можетъ желаюмы, хотѣлъ бы имѣть со мной дѣло?

Прочитавъ такую замѣтку и вѣра въ правдивость со-общенія „Театръ и Искусства“ — онъ кончилъ съ другимъ ре-жиссеромъ. Такимъ образомъ мы заѣздили въ карманъ.

В. М. Яновъ.

Милостивый государь,

Господинъ редактор!

Прочитавъ въ 3-мъ номерѣ журнала „Рампа“ письмо вышедшемъ екатеринодарской антрепренорки А. Н. Шперлингъ, мы, артисты, служившіо у нея, не можемъ обойти молчаниемъ ту несправедливость, которую пишетъ безъ всякаго основанія г-жа Шперлингъ, и чтобы освѣтить истину ведемъ дѣло г-жи Шперлингъ подъ управлениемъ Линевича, мы пишемъ эти строки. Мы, артисты, хоръ и балетъ, были зако-нрактованы г-жой Шперлингъ въ г. Екатеринодаръ на зим-ний сезонъ съ 1-го октября 1909 года по Великій постъ 1910 года, оркестръ былъ законрактованъ на одиннадцать мѣсяцъ. Вся труппа явилась къ началу сезона во время. Не будемъ писать, что говорили про дѣло Шперлингъ каждому изъ насъ, ноѣхать или неѣхать въ службу къ г-же Шперлингъ было дѣло каждого въ отдѣльности артиста. Фактъ тотъ, что труппа вся явилась во время. Всѣ вѣрили въ это серьезное громадное предпріятіе, какъ пишетъ г-жа Шперлингъ, а главное, довѣренное, такъ какъ г-жа Шперлингъ передъ откры-тиемъ сезона говорила, что, если ей придется дождѣтъ десять тысячъ рублей, то она будетъ благодарить судьбу. Значить, деньги были и всѣ, въ особенности хоръ, и оркестръ, прѣ-хали съ семьями. Пятнадцатого сентября 1909 года начались репетиціи. Не будемъ описывать, при какихъ условіяхъ труппа репетировала. Шумъ, стукъ, сырость, такъ какъ театры были еще не готовы, — все это ужасно дѣйствовало на нервы арти-стовъ. Но артисты народъ терпѣливы и послѣ двухъ недѣль тяжелыхъ репетицій труппа открывала сезонъ 1-го октября прошлого года оперой „Ляда“. Спектакль прошелъ прово-ходно по отысканью публики и газетъ, и кто положилъ свои силы на постановку и ансамбль оперы, это знаемъ мы точно такъ же, какъ знаютъ это и г-жа Шперлингъ и г. Линевичъ. Итакъ сезонъ начался благополучно при апшлагѣ и продолжался до 15-го октября прошлого года спокойно. Наступасть срокъ уплаты жалованья: повѣтки о платежѣ жалованья по выѣзжавшимъ; значить въ первый полумѣсяцъ будуть платить жалованье съ льготными дниами. Въ труппѣ начинается волненіе, а дирекція молчитъ; цыковою истекаетъ срокъ льготныхъ дніятъ, и у всей труппы за исключениемъ двухъ-трохъ, которыхъ не вѣрили въ благородство г-жи Шперлингъ и внесли вычетъ въ контракты, вычили почти весь авансъ сразу; для артистовъ, получавшихъ большие оклады или двой-бы, какъ пишетъ г-жа Шперлингъ (иромъ, баритонъ, любимецъ публики получать 200 р.), это было не особенно очу-тително, но для маленькихъ артистовъ, хора и оркестра, ко-торый былъ взятъ на 11 мѣсяцевъ, это было слишкомъ тяжело. Деньги впередъ въ видѣ аванса выдавались съ большими труд-домъ, поэтому многие изъ нихъ съ сезоны голодали въ, буквально смыслъ этого слова — это въ „граундозномъ предпрія-тии“ иль первыи мѣсяцъ при блескящихъ дѣлахъ. Мы увѣ-рены, что каждый изъ артистовъ и антрепреноровъ пойметъ, какъ можетъ вести дѣржеръ репетицій когда онъ знаетъ, что у него въ оркестрѣ сидятъ голодные музыканты, и ре-жиссеръ — требовать отъ хора аккуратности въ томъ же слу-чаѣ; но, несмотря на всѣ эти лишнія, труппа работала. Тамъ

дѣло велось въ теченіе полутора мѣсяцевъ, конечно, платили уже не съ 5-ю льготными дніями, а съ 8-ю, 10-ю и т. д. Вполнѣ понятно, что всякое волненіе въ труппѣ отражается на дѣлѣ, но не можемъ же мы скрывать отъ хозяина, где мы живемъ и столуемся, обстоятельствъ и того что насыпь въ срокъ ве-н платить жалованья. Въ виду этого слухъ о неплатѣ жало-ванія труппы распространился по городу. Благодаря этому у г-жи Шперлингъ подорвался кредитъ, какъ говорилъ Лине-вичъ; но если бы мы знали, что г-жа Шперлингъ строитъ дѣло на залогахъ и на кредитѣ, никто не поѣхалъ бы служить въ такое „граундозное дѣло“. И вотъ въ среднихъ числахъ ноября Линевичъ праглашаетъ всю труппу и предлагаетъ ей перейти на товарищество; отсюда ясно, что у дирекціи денегъ пѣтъ. Обсудивъ это, артисты согласились перейти на товарищество, но при измѣнѣвшихъ г-жѣ которыхъ условій, а именно: неприватизировать на себя долгъ дирекціи, бесплатное пользованіе декораций, бутафоріей и полное распоряженіе кассой, на что дирекція не согласилась, а объявила продолжать дѣло и платить труппѣ частями, а долгъ окончательно выплатить къ 6-му января с. г. Всѣ согласились и про-должали работать. Сборы были хорошие, а денегъ ни-кто не получалъ. Въ началѣ декабря г. Линевичъ гдѣ-то досталъ деньги и раздалъ труппѣ, по въ та-комъ назначительному количеству въ сравненіи съ долгомъ, что труппу такие платежи не могли удовлетворить. Началось ожиданіе броженіе. Артисты стали отказываться отъ службы, не видя абсолютно никакой возможности получить жалованья. Одинъ изъ артистовъ 17-го декабря прошлого года отказался отъ службы, и, несмотря на это, г. Линевичъ назначаетъ на 20-о декабря опору, гдѣ этотъ артистъ играетъ центральную роль, и наставляетъ, чтобы эта опора шла non remunero, а на эту роль сдѣлать курию. Это такъ разсуждаютъ завѣдующий художественномъ частью дирекціи г-жи Шперлингъ и уполномоченный ея г. Линевичъ (это фактъ, а не анекдотъ).

Итакъ „граундозное дѣло“ погибло не благодаря троимъ лицамъ, какъ пишетъ г-жа Шперлингъ, а благодаря странному веденію дѣла. Вотъ причины почему всѣ спектакль 20-го декабря прошлого года оп. „Африканка“: во-первыхъ, безъ всякаго на то согласія артистовъ г-нъ Линевичъ выпускаетъ афиши на 20-е декабря подъ флагомъ товарищества, думая, что артисты не заметятъ этого, сыграютъ, и потому можно будеть съ ihnen нарушить, благодаря этому, контракты, во-вто-рыхъ, 20-го декабря, въ день спектакля утромъ г. Линевичъ собралъ труппу и заявилъ, что г-жа Шперлингъ уѣхала, а у него денегъ пѣтъ и платить артистамъ нечѣмъ. Хоръ и оркестръ онъ отозвалъ въ сторону и сказалъ, чтобы они не воловозились и что онъ имъ все заплатитъ. Въ концѣ концовъ все выяснилось. Въ этотъ день онъ далъ телеграмму въ Майкопъ, чтобы выпустили на 26-е декабря афиши, что прѣдѣтъ якобы опера подъ управлениемъ Линевича и войдетъ опера „Демонъ“. Этотъ фактъ свидѣтельствуетъ письмо въ редакцію мѣстной газеты *). Въ виду того, что въ Майкопѣ веши такую труппу, принимая во внимание ея количество, нельзя, то половина ея пришлось бы сидѣть въ Екатеринодарѣ и буквально голодать. Не ловкая ли выходка? Но продолжаемъ дальше: опера „Африканка“ безъ Довѣ-Петро не можетъ пти, это скажетъ

Театръ Незлобина. „Анфиса“.

Бабушка — г-жа Васильева.

* Письмо доставлено въ редакцію журнала.

Театръ Незлобина. „Анфиса“.

Татариновъ—г. Нероновъ.

Рис. В. Татищева.

любой изъ музыкантовъ. Затѣмъ къ 20-му декабря труши приличалось около 9000 рублей жалованья, а къ 6-му январю с. г. труши слѣдовали бы болѣе 15000 рублей при самыхъ благопріятныхъ сборахъ. По расчету артистовъ вся труша могла бы получить за праздники отъ 3-хъ до 4-хъ тысячъ рублей, такъ какъ вечеровой расходъ, проценты за театръ, залоги кассировъ и контролеровъ, а ихъ было, видно, по мало, одно жалование имъ платилось въ суммѣ 750 рублей въ мѣсяцъ, да еще постороннію долгъ, все это могло быть устраниено на праздники и труппа опять осталась бы при чёмъ, поэтому для труши былъ единственный расчѣт прекратить это фальшивое дѣло и перейти въ новую антропризу. Хоръ и оркестръ остался на томъ же жалованіи, а артисты сдѣлали уступку, зато всѣ артисты увѣрены въ томъ, что сполна будутъ получать жалованье, такъ какъ передъ праздниками въ видѣ гарантіи каждый артистъ получилъ авансъ, что позволило ему провести въ встрѣтѣтие праздники сыто и весело.

Слѣдуетъ 46 подписей.

Подлинникъ находится въ редакціи.

Р. С. Интересны цифровыя дачныя по словамъ лицъ, стоящихъ близко къ дѣлу: сбору было взято съ 1-го октября по 20-е декабря 42000, залоговъ: кассира 5500 руб., контролеровъ 800 руб., вѣшалки 3000 руб., буфетъ 1500 руб., у частныхъ лицъ взято взаймы 6000 руб., долгъ за краски 500 руб., одна актриса изъ труппы дала 100 руб. Указано же было за театръ 5000 руб., залогъ личного въ полицію 1000 руб. и труниѣ около двухъ мѣсяцевъ жалованье платили, гдѣ же и на что затрачено 25000 рублей?

Милостивый государь,
господинъ редакторъ!

Въ № 3 „Рампы“ отъ 17-го января т. г. помѣщено письмо г-жи Шнерлингъ о гибели си „серѣзнаго дѣла“ въ Екатеринодарѣ.

Предоставляя товарищамъ отвѣтить по существу обвишеній г-жи Шнерлингъ, хочу сказать лишь о себѣ нѣсколько словъ, такъ какъ и числѣ главныхъ, виновниковъ г-жа Шнерлингъ называетъ и меня, балетмейстера Епифанова.

Приглашенъ я былъ г-жой Шнерлингъ за мѣсяцъ до начала сезона, явился въ время и относился къ своимъ обязанностямъ добросовѣстно, чего, думаю, не станетъ отрицать и сама г-жа Шнерлингъ, не разъ благодарила меня за мое отношение къ дѣлу.

Такъ что съ этой стороны я передъ г-жой Шнерлингъ ни въ чѣмъ исповиненъ; если и можно кого винить въ гибели дѣла, то во всякомъ случаѣ не отдѣльныхъ лицъ изъ труппы, а только исумѣлую администрацію и неудачное недѣніе дѣла; артисты же и всѣ служащіе шли наставрѣчу г-же Шнерлингъ и дѣлали все возможное съ ихъ стороны; правда,

они послѣ долгихъ ожиданій требовали уплаты жалованія, но это ихъ право требовать вознагражденія за свой трудъ, къ тому же многихъ побуждалъ быть пастойчивыми въ своихъ требованіяхъ голодъ, такъ какъ существовать было не на что.

Приимите увѣренность въ глубокомъ моемъ уваженіи къ Вамъ

Василій Епифановъ.

М. г., г. Редакторъ!

Во вторникъ, 9 февраля с. г., истекаетъ 30-лѣтіе сценической дѣятельности М. Н. Славич. Комиссія по устройству юбилейного чествованія глубокоуважаемой Марии Николаевны, извѣщаю васъ объ этомъ, просить принять участіе въ чествованіи, направляя привѣтствія по адресу: Харьковъ, городской театръ, А. Н. Соколовскому, для комиссіи.

Члены комиссій:

В. А. Рыжиковъ (драматургъ), В. Н. Кравцовъ (предсѣдатель городской театральной комиссіи), И. А. Воронецкій (редакторъ газеты „Южн. Край“), А. А. Ікмудскій (редакторъ газеты „Утро“), артисты: Н. П. Вессицьева, А. М. Вербинъ, А. П. Двіпскій, И. И. Кварталова, А. Н. Соколовскій, С. И. Сорочанъ.

Мелочи театральной жизни.

О да

на высокоторжественный день тезоименитства
Н. Ф. Баліева.

I

О Ты, всѣхъ часъ лихой повадкой
Средь жизни сѣренъкої и гадкой
Развеселившій армянинъ,
Прими съ улыбкой благосклонной
Привѣтъ, посторонгъ окрыленный,
Въ день достославныхъ именинъ.

II

Когда ты жилъ въ Нахичевани,
Въ тебѣ, какъ въ сказочномъ титанѣ,
Нарзаномъ искрилась душа,
И ты въ пылу святыхъ исканій
На жицкій трескъ рукоплесканій
Смѣялъ продажу кинимиша.

III

Ты, на подобіе кентавра,
Въ Москву искать пустынія лавра
Своимъ соотчичамъ на зло
И въ иреулѣ Камергерскомъ
Въ стремлены пламенномъ и дерзкомъ
Забился чайкѣ подъ крыло.

IV

По ить сей прославленій храминѣ
Наплыть анатэмской гордыни
Тебя отиудь не обуялъ,
Ты не мечталъ взбираться выше,
А въ темнотѣ, подобно мыши,
Нашелъ застѣничный подвалъ.

V

Зато въ глухомъ твоемъ подвалѣ
Какіе люди ни бывали?

Иментъ россійскихъ пышный цвѣтъ
Мужчины лучшіе и дамы
Изъ оперетки, фарса, драмы
И императорскій балетъ.

VI

Бывали здесь столы печати,
Вводилъ Вишневскій славки знати
И тѣхъ, въ чьей власти капиталъ;
Теченью общему послушанъ,
Бывалъ тутъ даже самъ Бахрушинъ,
И благодушно хохоталъ...

VII

Итацъ, друзья, безъ липинъ преній
Понятно лъ вамъ, чей прыткій геній
Судьюю памъ на радость данъ?!

Кричите же дружно въ честь Ишиты,
Евреи, иегры, иѣмцы, бритты
И племя гордое армянъ!!.

Серг. Мамонтовъ.

Сія ода прочитана сого Генваря двадесятаго числа въ кабарѣ, спрѣчъ кабакѣ, „Летучей Мыши“ именуемомъ, и изряднаго одобренія отъ почтенной публики удостоилась.

Въ Жиздрѣ заѣзжіе актеры играли на праздникахъ пьесу Островскаго „Лѣт“. Во время второго дѣйствія, сидѣвшій въ первомъ ряду богатый купецъ-хлѣботорговоцъ вдругъ, вставъ, крикнулъ:

— Стоиг! Не слова!..

Артисты прекратили играть...
— Что-то нездоровится мнѣ... Подождите пять минутокъ...

И вернусь,—заявилъ купецъ.

Зная, что самодуръ—человѣкъ щедрый, режиссеръ распорядился дать занавѣсъ. Черезъ нѣсколько минутъ купецъ возвратился на свое мѣсто и, пославъ за кулисы пятьдесятъ рублей „на угощеніе“, приказалъ играть дальше! Ну, нравы—ничего сказать!

Въ пьесѣ „Болотные огни“ одно изъ дѣйствующихъ лицъ — докторъ, разсказывалъ о своей жизни на Кавказѣ, между прочимъ, говорить, что тамъ у казаковъ „бабы очень привлекательны рожаютъ“. Эта фраза при постановкѣ пьесы въ Маломъ театрѣ между генеральской репетиціей и первымъ представлениемъ исчезла изъ текста, наявъ жертвой стыдливости бирюкрата казенныхъ театровъ.

Въ будущемъ сезонѣ въ Маломъ театрѣ возобновляется „Горе отъ ума“: мы позволимъ себѣ помочь просвѣщенному чиновнику скромнымъ совѣтомъ. Фамусовъ, какъ известно, говорить:

Она не родила еще, но по расчету
По моему, должна родить.

Фраза явно нецензурная. Но для вечернихъ спектаклей ее можно было бы измѣнить такъ:

У ней ребенка нѣть, но по расчету

По моему, пора бы быть...

Для утренниковъ же, конечно, нужно еще скромнѣе, дабы не вводить въ соблазнъ „малыхъ сихъ“. Напримѣръ, хотѣбы таки:

А можетъ въ пятницу—я долженъ у старухи
У докторши ребенка поглядѣть.
Съ нобесь долги до насъ такие слухи,
Что аистъ къ ней нелѣно летѣть...

Изъ злоключеній злополученной „Анатемы“, ко торой и до сихъ при шлось вынести такъ много.

Недавно въ Бердянскѣ исправникъ потребовалъ отъ антрепризы оригиналъ пьесы „Анатемы“ и вычеркнулъ совсѣмъ роль... Анатемы. Безъ заглавной роли артисты отказались, разумѣется, играть пьесу Андреева, и тогда исправникъ разрѣшилъ исполнителю заглавной роли говорить изъ-за кулисъ, не выходя на сцену, и приказалъ:

— Чтобы никто эту рожу не видѣлъ, даже если вызывать будутъ!..

Петербургъ.

Чеховский вечеръ, устроенный театр. клубомъ (18 янв.) не имѣлъ заранѣе строго-определенной программы, а составился изъ рассказовъ присутствующихъ, пожелавшихъ почтить память писателя, и изъ чтенія отрывковъ его произведеній.

Но лишенный интереса воспоминанія о двухъ встрѣчахъ съ Ант. Павл. разсказалъ Е. Карповъ, разобравъ Чехова, какъ художника, бѣллетриста и драматурга. Тепло передала свою впечатлѣнія о Чеховѣ г-жа Мусина и съ чувствомъ пропѣла „пѣсню донскихъ казаковъ“, которую любилъ слушать въ ея исполненіи цокойный писатель. Пѣсня говорить объ одинокомъ хуторѣ въ широкой степи, забытомъ и брошенномъ хозяиномъ, куда только забредеть порою заблудший косарь или вѣтеръshalовливо заѣщить за хуторъ бездомную „перекат-поле“.

Г-жа Мусина припомнѣла, между прочимъ, эпизодъ изъ жизни Чехова, какъ она, уступая усиленнымъ просыбамъ писателя, пѣла однажды цыганскіе романсы случайно остановившися.

Н. О. Васильевъ въ роли Хлестакова.

(Къ 25-лѣтію сценической дѣятельности.)

вившимся у Ант. Павл. монахамъ. И когда монахи пришли въ восторгъ отъ пропѣтыхъ романсовъ,—радости Чехова не было границъ... Время шло... Монахамъ такъ понравилось у Чехова, что они не думали уѣзжать. И Антону Павлу, пришло самому отправлять ихъ... въ монастырь.

Чеховскій вечеръ прошелъ оживленно и вызвалъ интересъ присутствующихъ.

Вас. Базилевскій.

Кривое зеркало Отъ собств. корреспонд.). Въ составъ новой программы „Кабаре“ вошли: сказание въ 4 происшествіяхъ И. Крашенинникова „О мудромъ Фалалѣѣ и нищемъ оборванцѣ“, музикальная трагикомедія въ 4 д. В. Эренборга „Хлестокій баронъ“ и опытъ сценич. лекцій въ 4 пьесахъ В. Гейера „Эволюція театра“.

Съ большими успѣхомъ прошелъ „Хлестокій баронъ“. Авторъ „Вампукъ“ внесъ много комическихъ изящныхъ моментовъ въ новую „пародію на оперу“ и исполнителямъ выпадаетъ на долю только художественно разыграть свои партіи, не внося въ исполненіе ни шаржа, ни легкихъ юмористическихъ выходокъ. Автору единодушно усиленно аплодировали.

Много смѣха вызвала „Эволюція театра“. Авторъ послѣдовательно, начиная съ Гоголя, бореть одинъ и тотъ же сюжетъ—„драму адюльтера“ и въ зависимости отъ характера эпохи создаетъ различные варианты этой драмы по Островскому, Чехову, Л. Андрееву. Пьеса имѣла успѣхъ, и только жаль, что авторъ не постыдился грубо, злословить Чехова, который меньше всего достоинъ... насмѣшки. Онъ писалъ искренно и если его „герои“ (Ивановъ, „Три сестры“, „для Вани“, Гаевъ) будничны, то въ этомъ уже—знаменіе времени.

Сказка о Фалалѣѣ—это исторія о томъ, какъ у посадника Новгородскаго (пока толькъ плавалъ) пищій укралъ одежду

Знаменитый канторъ Сирота.

Рис. Д. Мельникова.

и, нарядившись въ „наручу златотканную“, самъ самозванио сѣль посадникомъ, а бѣдного настоящаго Фалалея вѣльзъ схватить и дать ему жестокое наказавіе, когда тогъ пришелъ добиваться „правды“. И никто, даже „жена любезная“ Марея Посадница, не заступились за бывшаго посадника, такъ какъ никто въ оборваниѣ не хотѣлъ признать бывшаго „главу“ великаго Новгорода. И много злоключеній выносить бѣдныи Фалалей, восклицалъ:

— Была одежда—посадникомъ звали. Пронала одежда—бока болѣтъ.

При чёмъ причину злосчастія своего онъ объясняетъ, что:

— Зачѣмъ въ воду плавать бросился безъ паспорта!..

Исполненіе пьесы было дружное, бойкое. Артисты „Кабаре“ настолько сыгрались, что ансамбль получается прекрасный. Все же не могу не отмѣтить, что пальма первенства въ исполненіи безусловно принадлежитъ г-же Абрамянъ, Нелидовой, Озаровской, г.г. Лукину, Оленину, Фенину и Хенкину.

Публики было очень много.

Вас. Базилевский.

Буффъ (Отъ собств. корр.). Въ среду 20 января состоялся бенефис главн. капельмейстера В. І. Шиачекъ. Шель непримѣнныи „Графъ Люксембургъ, и „Кабаре въ Буффѣ“. Оперетта Ф. Легара очень нравится публикѣ, артисты прекрасно сыгрались, и ансамбль получается безукоризненный. Удивительно хорошо А. С. Полонскій (кн. Франческо). Его куплеты „Какой скавдаль“ и знаменитая полька (II д.) вызываютъ гомерический хохотъ всего зрителн. зала. Хороша г. Рахмавова (Жульетта), грациозна и изящна г. Тамара (Данжель). Съ успѣхомъ проводятъ свои партии г. Сѣверский (гр. Люксембургъ), Рутковскій (Бриссаръ), г. Легатъ (Колочану) и много аплодисментовъ вызываетъ г. Неклюдовъ, типично очерчивая роль управл. гостиницы. 22-го состоялся бенефис дирекціи. Шла „Прекрасная Елена“ съ участіемъ А. Д. Вильцевой (Елена), П. Фигнер (Парисъ), Полонскаго (Мевелай) и Рутковскаго (Ахиллъ).

Вас. Базилевский.

9 февраля въ Новомъ театрѣ (Мойка, 61) состоится спектакль литераторовъ. Идетъ „Ивановъ“ Чехова съ участіемъ Л. В. Яворской, Голениной, Гоффи, Венгеровой, Баранцевича,

Барятинскаго, Тихонова, Чиркова, Б. Чехова, Ходотова и другихъ.

— Дирекція Императорскихъ театровъ предложила В. А. Трефиловой самыи блестищія условія, если она согласится продолжать службу.

Балеринѣ предложено было заключить контрактъ на два года, съ платой 6 и 7 тысячъ рублей, при чёмъ ей предоставлялось право выступать въ какіе угодно мѣсяца и ставить балеты по своему выбору.

На конецъ балеринѣ обѣщали дать черезъ два года полную пенсію п званіе заслуженной артистки.

На всѣ эти предложения г-жа Трефилова отвѣтила отказомъ.

За рубежомъ.

Шантеклеръ.

Въ парижскомъ театрѣ Портъ-Сенъ-Мартонъ при перенесеніи залѣ состоялась генеральная репетиція пьесы Ростана „Шантеклеръ“. Жанъ Кокленъ передъ поднятиемъ занавѣса прочиталъ прологъ. Успѣхъ первого и второго актовъ значительный. Большое впечатлѣніе произвела постановка. Третій актъ принялъ ходато. Въ четвертомъ, послѣднемъ, много поэтическихъ красокъ. Публика бурно вызывала автора. Передъ театромъ, несмотря на ливень, собралась громадная толпа.

Декорациія первого акта изображаетъ крестьянскій дворъ. На заднемъ планѣ стѣна съ калиткой. Черезъ открытую калитку виденъ огромный ящикъ, на который взлетаетъ пѣтухъ. Съ правой стороны, на переднемъ планѣ, собачья будка, изъ которой выглядываетъ Кокленъ. Налѣво клѣтка съ дроздомъ и корзина съ насѣдкой на яйцахъ.

При поднятии занавѣса пернатое царство жалуется на высокомѣріе пѣтуха „Chantecler“а, воображающаго, будто солнце восходитъ на небо по его зову. Разговоръ прерывается появленіемъ на сценѣ огромной зеленой сѣтки, которой кто-то незримый старается изъ-за стѣны подуть бабочку. Внезапно раздается выстрѣль. Цесарка (m-me Sivonnes), счастливо спасшія отъ охотника, влѣстаетъ па птичій дворъ. Chantecler привѣтствуетъ ее и тутъ же воспламеняются къ ней любовью. Когда охотничья собака является искать ее, прекрасная цесарка пречется въ будку собаки. Забывъ свой страхъ, она произноситъ хвалу жизни въ лѣсахъ, тѣкъ неподобную на мѣщанскую жизнь птичаго двора.

Второе дѣйствіе происходитъ въ лѣсу. Вдали протекаетъ ручей. Ночные птицы составляютъ заговоръ противъ Chantecler-а, который свопы пѣсіемъ кладеть конецъ царству ночи. Дроздъ, спрятавши подъ опрокинутый цѣвѣточный горшокъ, подслушиваетъ заговорщиковъ и рѣшаетъ предупредить Chantecler-а. Но послѣдний уже здѣсь, и его могучее „кукаре��“ заставляетъ заговорщиковъ разбрѣться.

Пѣтухъ попалъ сюда случайно. Слѣдуя за цессаркой въ чащу лѣса, Chantecler, несмотря на свое сильное увлеченіе, скучаетъ по птичьему двору.

По телефону (вместо трубки онъ говорить въ чашечку цѣвѣтка) онъ справляется, что слышно дома, и узнаетъ, что тамъ безъ него ничего не клюетъ. Это извѣстіе наполняетъ его сердце радостью, а его прекрасная подруга воспламеняется ревностью. Начинаетъ свѣтать. Просыпается лѣсъ.

Третье дѣйствіе происходитъ тоже въ лѣсу, но при другой обстановкѣ. На сценѣ гигантскіе грибы и цѣвѣты, равные по величинѣ живымъ существамъ. Являются жабы и привѣтствуютъ пѣтуха, въ которомъ видятъ могущественнаго соперника соловьеву, до сихъ поръ нераздѣльно царившему въ ночи. Но Chantecler-далекъ отъ власти, которой готово облечь его населеніе лѣса. Во время бесѣды его съ соловьевомъ послѣдній падаетъ подъ выстрѣломъ полевого сторожа, являющагося въ сопровожденіи дворовой собаки. Она явилась, чтобы уговорить Chantecler-а вернуться па родину, где его съ нетерпѣніемъ ждутъ. Но тотъ отказывается, несмотря на всѣ опасности, которыми угрожаетъ свободная жизнь въ лѣсу. Опь любить цесарку, ждеть и надѣяться на успѣхъ.

Въ послѣднемъ дѣйствіи счастье какъ-будто улыбается Chantecler-у. Цесарка, увлеченная его краснорѣчіемъ, уступаетъ ему и падаетъ въ его объятья. Въ обществѣ своей нѣжной подруги Chantecler безмятежно засыпаетъ и проводитъ всю ночь. Просыпается онъ утромъ: на небѣ уже сияетъ солнце, не дождавшееся его „кукаре��“. Мысли о томъ, что онъ до сихъ поръ преувѣличилъ свою роль, приводить его въ отчаяніе. Значитъ, вовсе не онъ будилъ солнце и день. Подавленный и разочарованный собою, онъ умираетъ.

На первомъ представлении „Chantecler“а публика раздѣлилась на два лагеря: одни мѣстами усиленно спистали, а другіе не мѣничи усердно аплодировали.

Парижская письма.

Довольно интересна новая пьеса, поставленная в театре Режань "Madame Margot".

Автором этой пьесы является тоже же Эмиль Моро, которому принадлежит идущая теперь в театре Сары Бернар пьеса "Процесс юанны д'Арк". В истории Франции известны двѣ Марго. Одна Маргарита Валуа, королева Наварская, сестра Франсуа II-го, женщина замечательно образованная, обладающая чрезвычайно острым и злым языком и прозванная современниками "Marguerite des Marguerites".

Другая—тоже Маргарита Валуа, тоже королева Наварская, жена Генриха IV-го, ничем не замечательная и о которой не осталось бы, вероятно, никаких исторических воспоминаний, если бы Александр Дюма не написал романа "Королева Марго".

Герой своей пьесы Моро избрал эту вторую Марго, которую онъ снабдил всеми добродѣтелями. Отвергнутые своимъ мужемъ, Генрихомъ IV-мъ, желающимъ для поправленія финансовыхъ страны жениться на Марии Медичи, Марго остается все-таки во дворцѣ, возлѣ короля, и оберегаетъ его отъ козней Кончины и Генріетты д'Антраға, которые устраиваютъ заговоръ на его жизнь. Благодаря наивной болтовнѣ одного изъ многочисленныхъ дѣтей Генриха, присутствовавшаго при обсужденіи подбровостей заговора, Марго и ея вѣрный другъ Белльгардъ открываютъ заговоръ; и, чтобы спасти короля, чтобы не допустить его уѣхать къ своей любовнице Генріеттѣ, где емугрозитъ смерть, Марго прибѣгааетъ къ тому средству, которое такъ часто удавалось красивымъ женщинамъ: она кокетничаетъ съ Генріхомъ, который воспламеняется къ Марго пренебрежной страстью и рѣшаетъ, что она можетъ очень недурно провести эту ночь и въ Луврѣ съ Марго вместо Генріетты. Въ заключеніе злодѣи несутъ должное наказаніе, а добродѣтели Марго и Белльгарда вознаграждаются. Сюжетъ пьесы самъ по себѣ не особенно интересенъ: на Генриха IV-го было сдѣлано 23 покушенія, а такъ какъ среди действующихъ лицъ не было Равалыка, то все заранѣе знали, что этотъ заговоръ окончатся благополучно и что никто, кроме заговорщиковъ, не пострадаетъ. Но что представляется въ пьесѣ действительный интересъ—это изображеніе нравовъ эпохи. Король, окруженный своей разведенной женой, своей законной женой и своей любовницей и живущий со всеми ими въ одномъ дворцѣ; дѣти отъ трехъ разныхъ матерей, учащіяся и играющія вмѣстѣ; колоритный языкъ эпохи, который авторъ сохранилъ во всей своей непосредственности.

Прибавьте къ этому чудныя декорации, великолѣпные костюмы и дивную игру актеровъ взрослыхъ съ Режань во главѣ и дѣтей, каждое слово, каждый жестъ которыхъ вызывали восторгъ зрителей и бурные аплодисменты.

На генеральной репетиціи пьесы имѣла большой успехъ и продержится, вероятно, долго въ репертуарѣ театра Режань.

Я скажу только нѣсколько словъ о новинкахъ Варьетѣ и Нувота. Зато остановлюсь подробно на двухъ выдающихся произведенияхъ: новой пьесѣ Тристана Бернара—"Le Danseur incoupi" и новой пьесѣ Буржо "La Barricade".

Въ театрѣ Варьетѣ поставили новую пьесу Капюса "Un Ange". Въ сущности это даже старая, извѣстная пьеса Капюса, лояльная вариация о томъ, какъ Антуанетта бросаетъ своего мужа Леблуа ради любовника, возвращается обратно къ своему мужу и, наконецъ, обманываетъ и мужа и любовника съ третьимъ любитеlemъ, котораго, вероятно, обманетъ въ свою очередь, что даетъ Капюсу поводъ написать еще одну пьесу и разсказать съ кѣмъ еще спала и буде спать Антуанетта. Если мы прибавимъ, что попутно эта "Ангелъ" разоряетъ своимъ безумными тратами всѣхъ своихъ мужей и любовниковъ; что діалогъ пьесы превосходенъ; что разыграна она божественно такими удивительными артистами, какъ г-жи Левальеръ, Макье и гг. Брассеръ, Ги, Максь Дарли и др.—то мы скажемъ, кажется, все, что можно сказать о пьесѣ Капюса.

Авторами новой пьесы въ Нувотѣ "Noblesse oblige!" являются двое остроумѣйшихъ писателей—Морисъ Энхекенъ и Шарль Беберь.

На этотъ разъ сюжетомъ своей комедіи они избрали сатирику на политические нравы. Во Франціи среди знати существуютъ разные "Camelots du Roy", "Aiglons de l'Empereur" и еще нѣсколько подобныхъ группъ молодыхъ и старыхъ бездѣльниковъ, которые, въ ожиданіи реставраціи Монархіи, занимаются тѣмъ, что портятъ статуи, воздвигнутыи знаменитымъ республиканцемъ. Такимъ "camlot du royaume" является Гужонъ де Летантъ: онъ проводитъ цѣлыя ночи, разбивая и портятъ статуи; по крайней мѣрѣ, такъ онъ разсказываетъ своей женѣ. Въ дѣйствительности же порчею статуй занимается его шофферъ; а Гужонъ проводитъ свои ночи гораздо

приятѣвѣ въ обществѣ одной очень хорошенѣйской замужней женщины.

Героические подвиги Гужона снискали ему симпатіи въ монархической партии, которая выставляетъ его кандидатуру въ одномъ мѣстечкѣ въ Бретани. Подъ предлогомъ выборной агитации Гужонъ уѣзжаетъ со своей любовницей въ Бретань. Въ томъ же мѣстечкѣ социалисты выставляютъ кандидатуру злѣшаго врага Гужона анархиста Лебузье—редактора газеты "La Guelo".

Любовницей Гужона оказывается, конечно, жена Лебузье. Гужона — принимаютъ за Лебузье; Лебузье за Гужона, и происходитъ такій qui pro quo, что театръ дрожалъ отъ хохота и актеры не могли играть. Все, конечно, заканчивается благополучно; и ни Гужонъ ни Лебузье больше политики запоминаться не будутъ.

Пьеса эта чудесно разыграна и въ ней масса остроумныхъ bon mots. Приведемъ два—три. Одного изъ героеv спрашиваютъ: "Къ какой партии вы принадлежите? Вы роялистъ?" «En fait d'opinions, отвѣчаетъ онъ, je suis tranquilliste; qu'on nous fasse la paix!» "Vous n'etes plus un homme, Vous-etes une digestion!" "La politique il-on homme ne vaut que par le nombre d'ordures qu'on lui jette à la figure".

Театръ „Буффъ“.

Ф. Эккерть.

(Авторъ оперетты „Веселое путешествіе“).

Шаржъ Д. Мельникова.

На страницахъ вашего журнала мы уже неоднократно приходилось говорить о Тристанѣ Бернарѣ—этомъ восхитительномъ писатель, пьесы которого сравниваются съ пьесами Мольера, а романы—съ романами Диккенса. Если это можетъ быть и преувеличение, сравнивъ слишкомъ восторженныхъ поклонниковъ, то во всякомъ случаѣ писомъ, что Тристанѣ Бернарѣ драматургъ и романистъ первоклассный; онъ соединяетъ въ себѣ необычайную наблюдательность, очень глубокую психологию и тонкий, задушевный юморъ. Всѣ эти качества отразились необыкновенно ярко въ его новой комедіи "La Danseur incoupi" «Никому невѣдомый таинствъ».

Элегантный, освѣщенный и дюжно садонъ большой Парижской гостиницы. Молодой Бушанъ женился на дѣвицѣ Промбель, и по случаю этого радостнаго события родители молодыхъ даютъ балъ своимъ друзьямъ и знакомымъ. По условью съ хозяиномъ гостиницы, они платятъ 15 фр. съ человѣка; поэтому видъ каждого нового гостя вызываетъ у папаши Бушанъ и у мамаши Тромбель чуть не норвѣнскій припадокъ. А гости все прибывають; говорятъ два-три слова привѣтствій принимающимъ ихъ родителямъ молодыхъ и направляются къ буфету, захватывая попутно пѣсколько сигаръ изъ стоящихъ на столѣ ящиковъ.

Среди различныхъ группъ прохаживается молодой человѣкъ; онъ подбѣргается у буфета, кладетъ въ каждый карманъ по сигарѣ, а закуриваетъ третью. Его никто не знаетъ, и по очень основательной причинѣ: онъ явился на балъ неизглаженнымъ: на немъ были фракъ, салоны отеля были ярко освѣщены, "погода хорошая, по дорогѣ травка"—и онъ зашелъ.

Въ салонѣ, гдѣ онъ находится, вѣгасть молодая дѣвушка, пришедшая отдохнуть на минуту отъ танцевъ. Молодой человѣкъ, слегка возбужденный шампанскимъ, подходить къ ней, смыть съ ней заговариваетъ, говорить ей сначала вѣскоѣ базарныхъ комплиментовъ; затѣмъ разговоръ становится за-

Петербургъ. Малый театръ.

Г. Чубинский въ пьесѣ Ю. Бѣляева „Путаница“.

душевиѣ; молодой дѣвушкѣ нравится оригинальная, смѣлая рѣчь этого неизвѣстнаго. Въ тотъ же салонъ вдругъ входитъ другой молодой человѣкъ Бартазарь.

Южанинъ, счень ловкій пройдоха, втирающійся въ довѣріе къ богатымъ людямъ, увидя молодую дѣвушку, разговаривающей съ неизвѣстнымъ, онъ въ изумлениѣ останавливается.

— Какъ,—говорить онъ,—мадмуазель Берта, вы знакомы съ моимъ другомъ Ари Клавель?—Дѣвушка со смѣхомъ убѣгаєтъ. На Ари разговоръ производитъ большое впечатлѣніе: ить сомнѣніе—опѣт влюблентъ!

— Ну что жъ,—говорить быстрый въ своихъ рѣшеніяхъ Бартазарь,—женись, на неї, за неї полмилліона приданаго!—Что ты! Я нишій неудачный художникъ.—Ничего не значить; я берусь устроить это дѣло; напиши только міѣ вексель въ 50.000 ф., которые ты обязуешься міѣ уплатить чрезъ два мѣсяца послѣ свадбы.

Для Ари все равно подписать, хотя бы вексель на миллионъ. Онъ подписываетъ. Чрезъ пѣсколько минутъ Бартазарь возвращается съ отцомъ Берты—богатымъ, очень добродушнымъ фабрикатомъ Гонтье.

Онъ развелъ ему турусы на кофесахъ и рассказалъ, что Ари представитель крупныхъ пѣмѣцкихъ металлургическихъ заводовъ, что онъ зарабатываетъ въ годъ до 70.000 ф. и т. д. Старикъ Гонтье въ восторгѣ и приглашаетъ Ари запросто къ обѣду. Этимъ заканчивается первое дѣйствіе.

Во второмъ мы видимъ Ари женихомъ Берты. Онъ Ѳздитъ къ ней каждый день, привозитъ цвѣты, конфеты, которые покупаетъ Бартазарь въ счетъ будущаго приданаго; онъ же даетъ время отъ времени горничной Берты 10 ф. отъ имени Ари. Но послѣднему весь этотъ обманъ не по душѣ. Овъ искренно и горячо любитъ Берту, которая тоже обожаетъ своего жениха. Ари претитъ продолжать играть эту роль; пѣсколько разъ онъ порывался во всемъ сознаться Берте; каждый разъ его останавливало мысль о возможности потерять ее навсегда. Но когда Бартазарь, у которого больше шѣть ни гроша и который разсчитывалъ получить за свою комиссию съ приданаго Берты, торопитъ его и требуетъ, чтобы Ари назначилъ день свадбы, онъ не можетъ больше выдержать.

Онъ уходитъ и посыпаетъ отцу Берты письмо, въ которомъ раскрываетъ ему всю правду. Свадьба Берты разстроена, а у Бартазара уже приготовленъ новый женихъ—на сей разъ дѣйствительный миллионеръ (Гербертъ), которому Берта когда-то отказалась и которому, съ горя и досады, теперь она даетъ свое согласие.

Третье дѣйствіе происходитъ въ мебельномъ магазинѣ, куда Ари поступилъ въ качествѣ рисовальщика на 175 ф. въ мѣсяцъ жалованья. Берта, не перестававши любить Ари, и огорченная разрывомъ, огорченная въ особенности тѣмъ, что Ари ушелъ, не простившись съ ней, не объяснившись, желаетъ, во что бы то ни стало, объясниться съ нимъ. Она отыскиваетъ его въ мебельномъ магазинѣ; и здѣсь между молодыми людьми происходитъ объясненіе, прерываемое каждую минуту то телефонными звонками заказчиковъ, то поискователями.

Это одна изъ самыхъ поэтическихъ и самыхъ комическихъ сценъ, какъ намъ пришлось видѣть въ театрѣ. Все, конечно, кончается къ общему благополучию: Берта прощаетъ Ари и выходитъ за него замужъ, Гербертъ же получаетъ вторичный отказъ, и въ видѣ уѣханія, ему остается Бартазарь, который успѣлъ устроиться къ нему въ компаніи и съ гордостью говорить: „maintenant moi aussi je suis un bouffon honnête“.

Таково содержаніе новой пьесы Тристана Бернара, имѣвшей огромный, совершино исключительный успѣхъ. Въ розумѣ трудно передать всю красость, всю мощь этой комедіи. Она напоминаетъ въ одно и то же время и Марло и Миессэ. Каждое дѣйствующее лицо—это типъ, выхваченный изъ жизни, превосходно очерченный двумя тремя чертами. Разыграна пьеса чудесно, въ особенности великолѣпенъ былъ Андрэ Брюле, игравшій роль непрѣисторического танцора.

Большой успѣхъ имѣла также поставленная въ театрѣ „Водевиль“ новая пьеса Бурже „La Barricade“—„Баррикада“. Когда два года тому назадъ на той же сценѣ театра „Водевиль“ была поставлена пьеса Бурже „Un Divorce“, всѣ были поражены не только огромнымъ сценическимъ дарованиемъ, которое Бурже обнаружилъ въ этой пьесѣ, но главное, тѣмъ поразительнымъ, беспристрастіемъ, которое онъ обнаружилъ.

Въ пьесѣ былъ выставленъ слѣдующій тезисъ: „Разъ современное общество допускаетъ разводъ, оно логически должно допустить и уважать свободную любовь; а такъ, какъ свободная любовь учрежденіе антисоціальное, то и разводъ не можетъ быть допущенъ въ культурномъ обществѣ. Бракъ никогда ни при какихъ случаяхъ не долженъ быть расторгнутъ“. Жестокъ былъ тезисъ Бурже; справедливъ онъ или нѣтъ—это другой вопросъ, котораго мы здѣсь касаться не будемъ. Но, выставляя этотъ тезисъ и защищая свои идеи, Бурже обнаружилъ замѣчательное беспристрастіе; противниковъ своей идеи въ пьесѣ Бурже выдавалъ людьми честными, лояльными; онъ зашелъ въ эти отношения такъ далеко, что симпатіи всей публики были на сторонѣ его противниковъ. Но это былъ корректный, честный способъ защищать свои идеи.

Совершенно не то въ его новой пьесѣ „La Barricade“. Бурже разбираетъ здѣсь рабочій вопросъ, главнымъ образомъ огромное движение синдикализма. И здѣсь, очевидно, невинность реакціонера-буржуза къ рабочему классу была слишкомъ сильна, чтобы сдѣлать его беспристрастнымъ. Хозяева-фабриканты въ пьесѣ Бурже—все люди добрые, справедливые, гуманные, честные; рабочіе же негодяи, бандиты, варвары.

Въ своей пьесѣ Бурже хотѣлъ встряхнуть буржуазію, раскрыть ей глаза на падающую грозу синдикализма. Рабочимъ Бурже отказываетъ во всемъ: имъ онъ не позволяетъ силотить; синдикаты вызываютъ свободу; но когда фабриканты сплачиваются вѣтъ, образуютъ синдикатъ для защиты своихъ интересовъ—тогда Бурже аплодируетъ; „вы защищаете цивилизацию противъ варваровъ“, говорить онъ. Бурже находитъ немыслимъ, недопустимъ, чтобы капиталисты изъ своего лагеря перешли на сторону рабочихъ; они (капиталисты) должны всегда оставаться чету сторону баррикады.

Поэтому онъ заставляетъ Филиппа, сына богатаго мебельного фабриканта Брешара, котораго въ первомъ дѣйствіи мы видимъ соціалпѣтомъ, мечтающимъ о соціальномъ мире, другомъ главнаго мастера Лагуэ, въ концѣ отречься отъ своихъ идеи, всесфѣро перейти на сторону капитала и отказаться отъянуть руку товарищу своихъ дѣтскихъ игръ. И этому обращенію Бурже аплодируетъ.

Наоборотъ, идеаломъ рабочаго онъ выставляетъ старика Гошрона, искавшаго синдикаты, проданнаго, какъ собака, своему патрону, измѣнившему своему классу, какъ французы называютъ „желтаго“ (en jaune): въ то время какъ рабочіе устраиваютъ стачку на фабрикѣ Брешара, Гошронъ приходитъ къ нему на помощь: вмѣсть съ пѣсѣльскимъ такимъ же „желтыми“, какъ и онъ, Гошронъ начинаетъ помышлять изгнанной конгрегаціи; и въ этомъ помышленіи онъ выполняетъ огромный заказъ, неисполненіе котораго Брешару грозило разореніемъ.

И вотъ этого-то измѣнивика общему дѣлу Бурже выставляетъ идеаломъ рабочаго; и сдѣлалъ изъ него, дѣйствительно, грандиозную этическую фигуру. Кромѣ соціальной проблеммы въ пьесѣ огромное мѣсто занимаетъ, конечно, сентиментальная сторона. Брешаръ влюбленъ въ одну изъ своихъ работницъ—Мерз; и въ несъ же страстно влюбленъ и тогъ самъ мастеръ Лагуэ, о которомъ мы говорили выше. Мерз вѣдется любовницей Брешара, и Лагуэ, узнавъ объ этой связи, ненавидитъ его; изъ-за ненависти къ Брешару, какъ къ своему противнику, онъ и вызываетъ стачку на фабрикѣ. Но Мерз любитъ не Брешара, которому она отдалась изъ чувства благодарности, больше чѣмъ изъ любви, а Лагуэ. Брешаръ узнать объ этомъ, и, руководимый тѣмъ же чувствомъ ненависти, опѣт отклоняетъ всѣкіе переговоры съ рабочими для улаженія конфликта, и вызываетъ такимъ образомъ стачку.

Самыя патетическія сцены разыгрываются въ III д. въ саду монастыря, где работаютъ „желтые“. Стачечники разуваютъ мѣсто, где производятся работы, и приходятъ туда, чтобы имъ помѣшать. „Желтые“ сойчасъ же присоединяются къ товарищамъ; одинъ Гошронъ, съ револьверомъ въ рукахъ, защищаетъ хозяйствское добро. Онъ обливаетъ лицами керосиномъ и схватываетъ го-

тода стачечники рѣшаютъ поджечь складъ, и произвести поджогъ берется Лагуэ, такъ какъ онъ единственный ходо-стистъ. Онъ обливаетъ лицами керосиномъ и схватываетъ го-

ращий факел, чтобы поджечь. Въ то время прибѣгаютъ Мерз. Она ого любить и не хочетъ, чтобы опѣ совершилъ преступленіе. Лангуз борется между своимъ чувствомъ любви къ Мерз и чувствомъ долга по отношению къ товарищамъ, которыхъ овѣ увлекъ въ стачку. Послѣднее чувство побѣждаетъ; онъ опѣ схватывается факеломъ и готовится совершилъ поджогъ. Но въ этотъ моментъ является полиція въ сопровождении Браншара.

Лангуз арестуютъ и плачущая Мерз уходитъ за нимъ. Пьеса заканчивается полной побѣдою патрона; стачка раздавлена; фабриканты составили лигу и постановили не принимать ни одного рабочаго, замѣшавшаго въ стачкѣ. Горе побѣдившимъ! говорятъ Бурже. Война такъ война! Между двумя враждующими классами невозможенъ миръ; между ними всегда будетъ стоять баррикада! Этими ужасными человѣко-внешнѣстническими мыслями заканчивается пьеса Бурже.

Пьеса эта веровная, талантливая, патетическая, пристрастная, реалистическая смотрится съ большимъ интересомъ. Въ ней очень много движений, колорита; и вся сентиментальная сторона ея превосходна. Поставлена и разыграна она чудесно. Въ особенности замѣчательна молодая актриса Ивонна де-Брэ (Ivonne de Bré), игравшая роль Мерз. Я советую читателямъ запомнить это имя, такъ какъ несомнѣнно это будущая звезда французской сцены.

В. А. Бинштокъ.

Письма изъ Одессы.

XII.

Никогда, даже въ самое безмятежное время чечевичаго государства благополучія, памъ не хотѣлось такъ безумно-горячо, безудержно смыться, какъ сейчасъ. Что-то болезненно-страстное есть въ этомъ пьяномъ желаніи хохотать. Хохотать бѣзъ устали, до самозабвенія. Чтобы забыть все вокругъ; и надорванное сердце, и осмысливныя мечты, и оплаканныя грезы, и весь большой, огромный, удушливый сѣрый туманъ, заволокнувшій всю нашу оконченѣвшую жизнь... Смыться! Только смыѣхъ дѣсть забвение! И вотъ почему, можетъ быть, такъ сильно любили у насъ комедію, пусть даже старую, заплѣсневѣлую, маленькие гротески, наброски и сатиры, шаржъ, пародію, импровизацію — все то, что даютъ широко народившися сейчасъ въ столицахъ и провинціи „Кривые“ и „Прямые“ зеркала.

Одесса до сихъ поръ отставала въ этомъ отношеніи. Думали и мечтали о своемъ собственномъ интимномъ театрѣ, театрѣ для немногихъ, многіе; но только претворить идею въ жизнь не удавалось никому. И только тогда, когда къ этому дѣлу близко подошли мѣстные литераторы, художники и артисты сами — дѣло увидѣло жизнь, забилось сердце молодого, еще неумѣющаго хорошо, сильно — смыѣшилъ Би-ба-бо. Мнѣ лично это название, придуманное для нового театра, очень нравится. Театръ шаржъ, сатиры, пародіи и импровизаціи, театръ смыѣха — это именно театръ „Би-ба-бо“. Театръ — шутки. Театръ — кабарѣ. И совершенно напрасно „директоръ“ театра въ своей вступительной рѣчи, произнесенной передъ публикой на открытии театра, притянулъ за уши Гумилевна. Поменьше трагизма въ смыѣхѣ и побольше искренности. Пусть пьяня, но все-же искренность.

Въ первые два спектакля поставлены были небольшія вѣщицы „Клещи“, „Выгодное дѣльце“ и шаржъ г. Незнакомца „Господа одеситы“. Всѣ три миниатюры, разыгранные довольно мило и живо, имѣли у публики успѣхъ. И если остались нѣкоторые неудовлетворенные, такъ это отъ шаривари, которое на первомъ спектаклѣ преподнесли въ миниатюрной дозѣ. Публика, какъ это случилось виначаѣ и съ петербургскимъ „Кривымъ зеркаломъ“, не поняла многаго. Собрался ии соргоге весь напыщенный и разукрашенный пестрыми нарядами бомондъ и сталъ ждать „театрального“ представления. А вмѣсто этого ему преподнесли интимныя шутки, сатиры, пародіи и блестки. Бомондъ былъ шокированъ, и „Би-ба-бо“ не услышалъ ни хлопка. Зато второй спектакль, собравший публику уже иную, носилъ совершение другой характеръ. Было именно кабарѣ типа парижскихъ. На этотъ разъ горячо реагировали на все, что представлялось смыѣхѣ публики Би-ба-бо. Смыѣлись горячо и съ увлечениемъ. Когда опустился занавѣсъ миниатюрной сцены и голосъ со сцены напомнилъ: „довольно смыѣться“, — публика не уходила. Хотѣлось еще и еще смыѣться.

Вѣдь, конечно, интересуетесь общей характеристикой исполненій пьесъ и всего прочаго, о чѣмъ принято писать въ рецензіи. Но, ей-Богу, это сейчасъ еще лишнее. Есть безусловно слабыя мѣста, но простительныя для новаго дѣла. Недаромъ вѣдь мѣстная пресса такъ благосклонно къ шимъ относится. Такое новое дѣло сразу поставить трудно. Одессы любить оригиналъ, что-нибудь свое, особенное. А

для этого нужны оригинальные таланты, интересные исполнители, которые посмѣногу привлекаются. Вѣдь и въ петербургскомъ „Кривомъ зеркале“ (объ этомъ мѣстѣ самому рассказывалъ А. Р. Кугель) долго искали, пока нашли тѣхъ китовъ, на которыхъ театръ держится. Ищутъ и у насъ. А въ томъ, что найдутъ — не сомнѣваются.

Посѣщаетъ публика „Би-ба-бо“ усердно. Дѣла хороши. Надолго ли только — неизвѣстно. Вѣдь одесская публика — такая измѣнница...

А. Ар-овъ.

Письмо изъ Вильны.

Лѣтъ двѣнадцать-пятнадцать тому назадъ Вильна считалась однимъ изъ лучшихъ театральныхъ городовъ въ Россіи. Здѣсь тогда работалъ К. Н. Незлобинъ, и работалъ такъ, что старые виленскіе театры до сихъ поръ вспоминаютъ этого славнаго антрепренера съ любовью и умиліемъ. Здѣсь впервые распустился пышнѣй цвѣтомъ могучій талантъ В. Ф. Коммисаржевской; здѣсь подвизались такъ артисты, какъ Самойловъ, Бравичъ, Нероновъ, Михайловичъ-Дольскій и многие, многіе другіе, которые теперь украшаютъ еще наши столичныя сцены. Здѣсь было театръ, который давалъ яркія, живыя впечатлѣнія, массу высокихъ, художественныхъ переживаний... Но съ тѣхъ поръ какой-то злой рокъ сталъ тяготѣть надъ виленскими театромъ. Достигнувъ почти полнаго расцвѣта, онъ сталъ опускаться, хирѣть и влажнѣть жалкое существование. Антрепренеры смѣняли одинъ другого и, кажется, прогорали одинъ за другимъ. Публика, привыкшая видѣть лучшія артистические силы, прекрасныя „незлобинскія“ постановки, избалованная и требовательная, уходила изъ театра сердитая, разочарованная и скучающая — и мало-по-малу стала забывать свой прежній „храмъ“. Посредственность и рутину воцарились тамъ, где прежде фонтаномъ было чистое искусство.

А между тѣмъ, въ Вильнѣ, безъ всякихъ сомнѣній, можетъ и должно существовать серьезное театральное дѣло. Это блестящее доказало прошлое, и есть надежда, что это докажетъ и будущее. По крайней мѣрѣ, новая антрепренера Е. А. Бѣляева начала свою работу почти хорошо. Группа, правда, пока не блещетъ большими талантами, но во всей постановкѣ чувствуется большая любовь къ дѣлу, опытность его руководителей и искреннее желаніе поднять театръ до уровня современныхъ культурныхъ требованій.

Сезонъ начался 25 сентября прошлаго года. Съ того времени было поставлено: „Послѣдняя воля“, „Казнь“ (3 раза), „Девятнадцать вальсъ“, „Мученица“, „На жизненномъ пиру“ (2 р.), „Орелъ“ (2 р.), „Въ старые годы“ (2 р.), „Обыватели“ (8 р.), „Арказановы“ (2 р.), „Василиса Мелентьевна“ (2 р.), „Старый закалъ“, „На мансарахъ“, „Настанетъ часъ“ (4 р.), „Рабочая слободка“ (3 р.), „Коломбина“ (6 р.), „Казенная квартира“ (2 р.), „У моря“, „Поѣзду луды“ (2 р.), „Санаторія“ (2 р.), „Звѣзды нравственности“ (8 р.), „Радыни веселья“ (4 р.), „Вареоломеевская ночь“ (3 р.), „Освобожденные рабы“ (2 р.), „Ревизоръ“ (4 р.), „Гедда Габлеръ“ (2 р.), „Дѣвѣ сиротки“ (3 р.), „Превосходительный тестъ“ (3 р.), „Новое поколѣніе“ (3 р.), „Анфиса“ (9 р.), „Убийство въ гостинице Бристоль“, „Вопросъ“, „Марія Стюартъ“ (4 р.), „Преступлѣніе и наказаніе“ (2 р.), „Жены“ (2 р.), „Дни нашей жизни“ (2 р.), „Большой человѣкъ“ (2 р.), „Губернерь“ (2 р.), „Эросъ и Генія“ (2 р.), „Трильби“ (2 р.), „Коварство и любовь“ (4 р.), „Милые люди“, „Фрина“ (3 р.), „Ницце духомъ“ (4 р.), „Испанский дворянинъ“ (2 р.), „Тысяча и одна ночь“, „Гроза“ (2 р.) и др.

Репертуаръ, судя по приведенному списку, старается отхватить все, чѣмъ живѣть此刻еній театръ, постановка болѣе чѣмъ приличная, обстановка (въ особенности, если принять еще во вниманіе крохотные, сравнительно, размѣры сцены) подчасъ заслуживала полагнаго одобренія.

Въ лицѣ г. Строганова г. Бѣляевъ приобрѣлъ опытнаго и дѣланаго режиссера. Спектакли проходятъ ровно и гладко, съ хорошимъ ансамблемъ.

Изъ лицъ женскаго персонала особенное вниманіе обращается на себя г-жа Саранчева. Прекрасная сценическая выѣпность, тонкая и продуманная игра, хорошая школа — все это съ самого начала сезона снискало сѣ симпатіи публики. Очень удалились ей роли Авфисы, Озибашиной (въ „Обывателяхъ“) и Фрины. Заслуживають также одобренія г-жи Кремлевой, Грандской, Бѣлозерской и др.

Изъ мужчинъ на первое мѣсто надо поставить г. Поплавскаго, умнаго и опытнаго артиста. Интересны и гг. Бѣляевъ (впрочемъ, рѣдко выступающій), Михаленко, Строгановъ и др. Вообще, мужской персональ слабѣе женскаго, а отсутствіе хорошаго первого любовника даетъ себѣ сильно чувствовать.

Дѣла идутъ (какъ и слѣдовало ожидать при серьезнѣ и дружной работе) очень хорошо.

Левъ Левицковъ.

Проприхід.

Житомір. (Отъ нашего корреспондента.) Дѣла драматической труппы Бѣляева прекрасныя. Пьеса Гордина „Сатана“ прошла 5 разъ при полныхъ посѣщахъ. Подробный отчетъ дадимъ въ слѣдующій разъ.

Предложение Е. Бѣляева о замѣнѣ русской оперы итальянской принято думой, и съ 26 декабря начались спектакли итальянской оперы подъ управлениемъ Рудольфа Гонзалеца. Составъ слѣдующій: Г.-жи Боттаглони, Гольмайеръ, Терцони, Фабри. Гг. Бальбони, Прокаччи, Лютти, Белліони, Джани, Джунта и др. Главный дирижеръ Дж. Гонзалецъ. Хормейстеръ Ф. Гонзалецъ.

Недавно состоялся концертъ извѣстного баритона А. Брагина. Программа была составлена изъ лучшихъ вещей его репертуара. Голосъ артиста, вопреки слухамъ, далеко еще не утратилъ своей мѣщи и бархатного тембра. Исполненіе выше всякихъ похвалъ. Такая богатая оттѣнками фразировка создаетъ этому пѣвуцу-художнику неувядаемую славу. Къ сожалѣнію, публики собралось мало, но немногочисленная аудиторія неистовствовала отъ восторга и долго заставляла артиста биссировать.

Г. Ваксь.

Елизаветградъ. Антреприза г.-жи Поляковой.

Е. А. Нѣгина.

Кишиневъ. (Отъ нашего корреспондента.) Въ воскресенье, 17 января, состоялась послѣдняя гастроль пожаловавшаго къ намъ, послѣ двухлѣтнаго интервала, М. В. Дальского.

Гастролировалъ онъ въ труппѣ г.-жи Велизарій, подвизающейся въ театрѣ при Благор. собраний, съ своимъ обычнымъ репертуаромъ. Публика отнеслась къ гастролеру довольно сдержанно, что и отразилось на материальной сторонѣ гастролей. Театръ былъ переполненъ только на послѣдней гастроли, несмотря на повышенныя цѣны. Въ общемъ, за семь гастролей взято 2654 р., что на кругу составилъ 380 р. Наибольший сборъ дальъ „Отецъ“ — 800 р., „Уріель Акоста“ дальъ 360 р., „Отелло“ — 346 р., „Кинь“ — 379 р., „Семья преступника“ — 180 р., „Гамлетъ“ — 420 р. и повтореніе „Кина“ (днемъ) — 178 руб.

Въ настоящее время г. Дальский — въ Елизаветградѣ, откуда пойдетъ въ Воронежъ. Послѣ гастролей въ Воронежѣ онъ предполагаетъ организовать свою труппу для турнѣ по Югу Россіи.

Игравшее въ Благор. собр. товарищество подъ упр. г.-жи Велизарій распадается, при чёмъ часть образуетъ новое товарищество подъ упр. С. М. Лениной и вскорѣ начнетъ свои спектакли въ мѣстномъ театрѣ „Колизей“.

Сюда ожидается прѣздѣ операціи г. Левицкаго.

Oculus.

Курскъ. (Отъ нашего корреспондента.) Праздничные спектакли въ зимнемъ городскомъ театрѣ прошли очень оживленно, антреприза З. А. Малиновской сдѣлала очень хорошія дѣла: взято за праздники же 6000 р. валового. Репертуаръ: утренники: — „Воевода“, „Неронъ“ с. Косса, дѣтск. спек-

. „Котъ въ сапогахъ“, „Хлѣба и зѣльишъ“ с. Собольщикова-Самарина; вечерніе: — „Дѣти XX вѣка“ 3-й разъ, „Синяя птица“ 4 раза, „Бѣлые вороньи“, „Госпожа Пошлюсть“, „Осѣль Буридана“ и „Цезарь и Клеопатра“.

12 января въ бенефисѣ А. П. Гнѣздиловой шла драма Германа Фабера, въ пер. Саблина, — „Вѣчная любовь“.

Бенефиціанка выступила въ роли Клары Шпоръ и передала ее съ хорошими нюансами, съ красивыми паузами, легко и естественно.

Вообще въ игрѣ г.-жи Гнѣздиловой всегда есть продуманность, искренность, а порой и изящество.

Артистка она, несомнѣнно, талантливая, умная и работящая и успѣхомъ пользуется вполнѣ заслуженнымъ.

Эти качества тѣмъ болѣе надо отмѣтить, что г.-жа Гнѣздилова еще молодая, а потому, безъ сомнѣнія, съ будущимъ, если, конечно, будетъ работать такъ же добросовѣстно.

Бенефиціанткѣ были сдѣланы цвѣточныя подношенія и лавровы вѣноки.

Великолѣпнымъ партнеромъ ей былъ г. Троицкій (Фюрингъ).

14 января была поставлена новая пьеса П. П. Гнѣдица, — „Въ наши дни“.

17 января поставлена была новая пьеса „Живые-мертвые“ драма въ 4-хъ дѣйс. А. Н. Будищева. Названа она также „Старый обрядъ“, взята изъ жизни старообрядцевъ.

Пьеса психологическая. Весь центръ тяжести лежитъ въ психологіи Кондарева, привнесшаго свою жену къ Опалихину, съ которымъ она была въ интимныхъ отношеніяхъ.

Г. Субботинъ былъ весьма цѣненъ въ роли Кондарева. Судя по исполненію, можно заключить, что роли неврастениковъ ему удаются лучше, чѣмъ любовниковъ.

Тяжеловать былъ г. Глубоковскій (Опалихинъ).

Г.-жа Дукшинская (Татьяна) сдѣлала, что могла, и требовать отъ нея большого нельзѧ. Сцена сумасшествія, напр., написана какъ-то натянуто, неискренно и особенно сильныхъ мѣсть нѣть всѣ „терзанія“ Татьяны складываются изъ самыхъ будничныхъ элементовъ: страхъ предъ мужемъ, дѣти...

Очень хороши были г. Троицкій въ роли журна Столбунцева, г.-жа Гнѣздилова въ роли кокетливої Людмилы Васильевны и г.-жа Прокофьевъ (Пелагея Семеновна).

Типиченъ былъ г. Рустумовъ (Миша).

Спектакль прошелъ гладко, постановка тщательная.

Владимиръ Орловъ.

Лодзь. (Отъ нашего корреспондента.) Поставленная на дняхъ драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ Германа Гѣрманса „Надежда“ подъ режиссерствомъ г. Я. Мелевскаго прошла художественно въ Польскомъ театрѣ „Надежда“ — одна изъ слабыхъ пьес Гѣрманса. Правда, пьеса правдива, но обрисовка характеровъ героевъ этой пьесы смутна и эскизна.

Но все забываешь при видѣ исполненія нашихъ „художниковъ“.

Изъ исполнителей отмѣтимъ г.-жу Чеховскую, которая чуточку удовила общию толъ своей роли (10) и вложила въ детали много вкуса и остроумія. Гнѣвъ, всепрощеніе, любовь, призывъ, отчаяніе — все оттѣняетъ она своимъ великимъ талантомъ такъ, что, кажется, небо и земля разговариваютъ между собой и понимаютъ одно другую.

Геордъ съ большой выразительностью исполнилъ г. Мелевскій. Въ роль Клерти много теплоты вносить г.-жа Кошевская, а молодой артистъ г. Каминскій дивно исполняетъ Баренда. Безподобны были также гг. Ярачъ и Зельверовичъ. Первый въ роли Комбуса, а второй — Капса бухгалтера.

Въ „Большомъ театре“ съ 17-го января начались гастроли бр. Роберта и Рафайла Адельгеймъ. Въ концертномъ залѣ „Англія“ состоялся концертъ балалайчиковъ подъ управлениемъ г. Шварцовскаго. Русская балалайка пришла, заиграла и очаровала весь городъ. Такого успеха не имѣть еще здѣсь ни одинъ хоръ и ни одинъ оркестръ. Для публики нашего города, чуждой русской жизни, а равно прimitивнаго русскаго инструмента, это послужило щѣльмъ открытиемъ и привело всѣхъ въ восторгъ. Всѣ только и говорять о балалайкѣ. Исполнялись исключительно русскія народныя пѣсни, наприм.: „Во саду ли, въ огородѣ“, „Коробушка“, „Свѣтить мѣсяцъ ясный“, „Барыня и т. п.“

Концертъ кончился подъ громъ аплодисментовъ, и исполнителей долго вызывали.

О. Галлай.

Минскъ. (Отъ нашего корреспондента.) Общиѣ успѣхи драмы прогрессируютъ. Сыграиность труппы, вдумчивая и старательная работа режиссера сказались въ рядѣ спектаклей, шедшихъ съ полнымъ, можно сказать, ансамблемъ, что называется, безъ сучка и задоринки. Такъ, совершенно безуко-ризновно шли пьесы: „Цѣна жизни“ Немировича-Данченко, „Любовь“ Потапенко, „Ницше духомъ“ Потѣхина, „Непогребенные“ Евдокимова, „Анфиса“ Андреева прошла два раза при значительныхъ сборахъ.

Наибольшій успѣхъ какъ въ материальномъ, такъ и въ

художественномъ отнешени выпалъ на долю пьесы еврейскаго драматурга Якова Гордина „Сатана“; надо отдать полную справедливость режиссеру труппы Я. А. Славскому, сумѣвшему обставить пьесу въ отнешени декоративномъ и пр. чрезвычайно эффектно и изыскано, что въ весьма значительной степени способствовало общему выгодному впечатлѣнію. Поставленная 7 января, пьеса на этихъ дняхъ снова повторяется; довольно сложная по своей идеѣ, а также по своей вицѣнной структурѣ и общему замыслу, „Сатана“, въ художественномъ исполненіи труппы, пришла по вкусу публикѣ, даже той ея части, которая не очень-то жалуетъ и щѣнить обычный гординскій жанръ.

„Бѣлая кость“ Шоломъ Аша, „Новый міръ“, „Новое покольніе“, „Гроза“, „Безъ вины виноватые“, „Генеральша Матрена“—вотъ все, что было поставлено до сихъ поръ.

Приходится, конечно, очень порадоваться за труппу, владѣющую все большимъ и большимъ вниманіемъ. Въ болѣе широкомъ смыслѣ—приходится радоваться процвѣтанію театра вообще въ мертвѣй, безжизненной провинції. Театръ, какъ и всякая серьезная отрасль искусства, вноситъ хоть нѣкоторую долю содержанія въ тосклившую, сѣрую жизнь пріунывшаго провинціального обывателя.

М. Королицкій.

Николаевъ. (Отъ нашего корр.) Наша антреприза пожаловаться на публику не можетъ, и дѣла этого сезона можно назвать великодѣлными. Публика начала привыкать къ театру, и плохой сборъ у насъ рѣдкость. Особенныхъ постановокъ нѣть, новыхъ декорацій за весь сезонъ почти не писали, но труппа сыгралаась, ансамблъ хороши и сборы хороши. Чего же больше... Прошла серія бенефисовъ: В. И. Никулина „Идеальный мужъ“, Петипа „Свадьба Фигаро“, Людвигова „Орель“ и „Бойкая барыня“, Покровского „Погромъ“ и „Русскій пѣсн въ лицахъ“, Шенкъ „Г-жа Пошлость“, Юренева „Жертва воспитанія“ и „Далекая принцесса“. Всѣ бенефисы прошли при прекрасныхъ сборахъ, а бенефисы Никулина и Виктора-Петипа даже при переполненныхъ.

Изъ новинокъ за весь промежутокъ, кроме „Г-жи Пош-

лости“ Ходотова шла только одна—„Незнакомецъ“ Гордина въ передѣлкѣ нѣкоего М. Теплицкаго. Пьеса имѣла успѣхъ, смотрится она съ интересомъ, хотя съ меньшимъ чѣмъ „Сатана“ того же Гордина, но все же въ ней много типичнаго. Очень интересно проводить свои роли г. Покровскій Шлоіме Гуцъ, Викторъ Петипа — Луи Корсунскій. Впервые понравилась г-жа Долина—Берта. Г-жа Сались была бы типична, но чрезмѣрная развязность портила всегда исполнение ею даже самыхъ маленькихъ ролей. Ея постоянныя „ой“ и „вѣй“ были неумѣстны. Красива и пластична г-жа Дюруа Женщина. Приличенъ г.—Юреневъ — Зильберманъ. Слабъ г. Лихмарскій—Незнакомецъ.

Г. А. Германъ.

Омскъ. (Отъ наш. корресп.). Вотъ уже четыре мѣсяца, какъ здѣсь гастролируетъ труппа П. О. Зарѣчнаго. Въ первой корресп. я уже сообщаю о ея первыхъ шагахъ. Въ дальнѣйшемъ репертуаръ ея пополнялся по направлению къ взятому сначала. Были, хотя и въ меньшемъ числѣ, и передѣлки. Снова прошли: „Казенная квартира“, „Казнь“, „Звѣзды нравственности“ и нѣкоторая другія. Появились: „Анфиса“ (3 раза), „Среди цѣтвовъ—Зудермана, „Лишенный правъ“, „Орленокъ“, „Орлеанская дѣва“ (къ 150-лѣтнію рождения Шиллера), „Искупленіе“, „Обыватели“, „Дядя Ваня“ и еще многія другія. Затѣмъ уже съ нового года поставленъ, между прочимъ, „Мелкій бѣсъ“ (въ передѣлкѣ С. Бѣлой). Вообще репертуаръ отличается новизною и разнообразіемъ, и артистамъ приходится много работать.

Въ связи, можетъ быть, съ этимъ,—основнымъ лейтмотивомъ труппы, который, кажется, опредѣляется все яснѣе и яснѣе, являясь нѣкоторая вѣдость. Артисты какъ бы устали.

П—нанъ.

Редакторъ-Издатель Л. Г. Мунштейнъ (Lolo).

ИСТИЕ ЗНАТОКИ
И ЦѢНИТЕЛИ
ПРЕДПОЧИТАЮТЪ

ИРРУА

Сладкое — ИРРУА-КАПРИЗЪ, — DEMI-SEC
Средней слад. — ИРРУА-ГРАНЪ ГАЛА, — SEC,
Мало сладкое — ИРРУА-АМЕРИКЕНЪ, — SEC, EXTRA
Безъ сладости — ИРРУА-БРЮТЬ, — TRÈS SEC

IRROY ШАМПАНСКОЕ
ПРИЗНАННОЕ
НАИЛУЧШИМЪ

на
1910
годъ

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

на еженедѣльный театральный богато иллюстрированный журналъ

подъ редакціей „РАМПА и ЖИЗНЬ“

на 1910 годъ

Л. Г. Мунштейна
(Lolo).

БЕСПЛАТНАЯ ПРЕМІЯ ДЛЯ ГОДОВЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ:

ЖРЕЦЫ и ЖРИЦЫ ИСКУССТВА

(спотрѣ еденическіе двѣты) въ стаканѣ LOLо, съ портретами въ шаржѣи Andr'a, П. Малютина, Д. Мельникова и дрѣг. Съмѣшаніе освѣдченности. Съски и зарисовки всѣхъ интересныхъ постановокъ иностранныхъ и русскихъ сценъ. Эскизы для грима и декорацій. Портрѣты еденич. двѣты. Спец. фотографіи всѣхъ новинокъ художественного театра. Карикатуры на театральную злобу дня.

ОБШИРНЫЙ ПРОВИНЦІАЛЬНЫЙ ОТДЕЛЪ.

52 большихъ портрета (изъ обложкѣ) артистовъ, писателей, композиторовъ и художниковъ, болѣе 1000 спичковъ, зарисовокъ, шаржей, карикатуръ и проч.

52

Собственные корреспонденты въ всѣхъ западноевропейскихъ театральныхъ центрахъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкой и пересыпк. годъ—6 руб., полгода—3 р. 50 к., 3 мѣс.—1 р. 75 к., 1 мѣс.—60 к.; за границу—вдвое. Объявленія впереди тѣкота 75 коп., позади 50 коп. строка пятиго.

Главная контора журнала: Москва, Бронная, Большая, Козихинская 1-я, д. Масниковъ. Тел. 258-25.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ также у Н. П. Чечковской (Петровскія линіи), въ киевскомъ магазинѣ „Нового Времени“, Н. О. Вольфа и др. Розничная продажа журнала „РАМПА и ЖИЗНЬ“, кроме Москвы, производится: въ Петербургѣ—Невскій, пассажъ, газетный кioskъ; въ Одессѣ—кiosкъ Альтшулера; въ Кіевѣ—кіппѣ, маг. Л. Ильинскаго; въ Саратовѣ—кіппѣ, маг. Супорина; въ Твери—кiosкъ Коротѣева; въ Казани—у С. П. Коломенскаго и въ маг. „Восточная Лира“; въ Елисаветградѣ—у Д. Закасая; въ Пятигорскѣ—у А. И. Чайкія; въ Черкасахъ—у Х. Скворцаго; въ Смоленскѣ—кіппѣ, маг. Любкія; въ Симбірскѣ—у Гладкова; въ Елисаветградѣ—кіппѣ кioskъ; въ Владивостокѣ—газет. аген. „Полъзъ“; въ Житомирѣ—театр. бібл. Ваксеръ; въ Нижнемъ-Новгородѣ—муз. маг. „Лікторъ“.

ДЕКАНЪ

Историко-Филологического Факультета ИМПЕРАТОРСКАГО Новороссийского университета съмъ объявляеть, что срокъ представлениі драматическихъ сочинений для соисканія преміи И. Г. Вучини въ 1910 г. назначается 1-е апрѣля 1910 г. Сочиненія, поступивши позже этого срока, будуть перенесены на конкурсъ 1911 года. Согласно положенію о преміи имени И. Г. Вучини, на конкурсъ могутъ быть представлены отлиющиця художественными достоинствами драматическая сочиненія, предназначенные для русскаго, преимущественно народнаго, театра и черпающіе свое содержаніе изъ исторіи и быта русскаго народа, а также и иного содержанія, при чмъ пьесы могутъ быть какъ оригинальными, такъ и переводными, но за послѣднія первая премія не назначается. Драматическая сочиненія, обнародованныя въ печати или хотя рукописныя, но получившия уже известность чрезъ представлениі ихъ на сценѣ, не допускаются къ соисканію преміи. Размѣръ первой преміи—500 р., второй—300 р., при чмъ факультету предоставляется право, въ случаѣ непредставлениі сочиненій, заслуживающихъ одной изъ полныхъ премій, выдавать и меньшій преміи, въ размѣрѣ отъ 50 р. до 150 р. Сочиненія, предоставляемыя на конкурсъ, не должны быть подписаны именемъ автора, а лишь снабжены какимъ-либо девизомъ, который равномѣрно долженъ находиться въ особо приложеніи къ рукописи запечатанномъ конвертѣ, содержащемъ въ себѣ означеніе имени и мѣстожительства автора и вскрываемомъ только въ случаѣ признания пьесы достойной преміи. Рукописи представляемыхъ на конкурсъ сочиненій авторамъ не возвращаются и хранятся въ архивѣ Университета. Желательно, чтобы сочиненія были написаны возможно четкимъ, разборчивымъ почеркомъ или переписаны на пишущей машинѣ. Сочиненія должны быть присыпаемы по адресу: Одесса въ Историко-Филологической Факультетѣ ИМПЕРАТОРСКАГО Новороссийского Университета (здание университета на улицѣ Вигте). Полный текстъ положенія о преміи имени И. Г. Вучини выдается въ канцеляріи факультета желающимъ бесплатно. Одесса, 28 декабря 1909 г.

ДЕКАНЪ А. Павловскій.

Въ субботу 30-го января

— „АНФИСА“.

31-го января утромъ спектакль по умен. цѣнамъ.

„ЭРОСЪ и ПСИХЕЯ“.

вечеромъ „МЕЛКІЙ БЪСЪ“.

1-го, 2-го, 3-го, 4-го и 5-го февраля

— „АНФИСА“ Л. Андреева.

Нач. въ 8 ч. веч. Администраторъ С. И. Годзи.

Театръ „БУФФЪ“

Дирекція А. Э. Блюменталь-Тамарина.

◆ „ВЕСЕЛОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ“.

Оперетта въ 3-хъ дѣйств. Эккера.

Романсы Н. В. Плевицкой.

БОРЬБА.

Режиссеръ Н. Ф. Бутлеръ.

ОБЩАЯ ТЕАТРАЛЬНАЯ КАССА.

Петровскія линіи, № 7. Телефоны 207-89 и 156-35.

ОТКРЫТИЫ агентства кассы: Мясницкая, д. Лятошинской. Берлинский писчеб. магаз., тел. 89-53; Большій Полянка, д. Феррейнъ, магаз. Кулакова, тел. 206-78; Арбатъ, д. № 2, аптекарск. магаз. Орлова, тел. 94-50; Тверская, ул., угл. Грузинской ул. магаз. Каледжинъ, тел. 57-60; Таганка, д. Чижова, магаз. Блохъ. Продажа билетовъ въ театры: Зимина, Морша, Незлобина.

КЛИШЕ

ТИПОГРАФСКАЯ ДЛЯ ПЕЧАТИ
ХУДОЖЕСТВЕННО и СКОРО
ИСПОЛНИЯ ЦИНКОГРАФІЯ

И. С. БЛОКОВ

ТЕЛЕФ 109-71.

ТВЕРСКАЯ, ГАЗЕТНЫЙ А № 7

Вышелъ сборникъ
СЕРГ. МАМОНТОВА
„ПЯТЬ ПЬЕСЪ“

„Смерть Пушкина“, „Въ сель-
цѣ Отрадномъ“, „Цѣною кро-
ви“, „Сочельникъ“ и „Охота“.

Цѣна 1 р.

Складъ изданія въ типографії Т-ва И. И. Кушнерова, Москва, Пименовская ул., и въ конторѣ журнала „Рамка и Жизнь“. Тамъ же имеется книга того же автора:

„По бѣлу свѣту“.

ВЫШЛА въ СВѢТЪ НОВАЯ МЕЛОДРАМА
Ал. Биссона.

БАНДИТЫ НЬЮ-ЙОРКА.
(Никъ Картеръ)

пьеса въ 5 дѣйств. и 8 картинахъ.
КАРТИНЫ: 1) Судъ приемъ-жъхъ. 2) Съветъ
квартира. 3) Ящики для шашекъ. 4) Поли-
цейская собака. 5) Король преступниковъ.
6) Крысы поры. 7) Распирываніе животныхъ.
8) Часы-смерти. 9) Громадный успехъ и
полное обрѣтеніе въ Паризѣ, и въ театре Альбиго.

Издание С. Ф. Разсохина.
МОЖНО ПОЛУЧАТЬ въ конторѣ
„Рампы и Жизни“.